

А. Цессарский

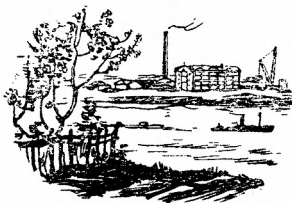
ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

искусство

А. Цессарский
ВОСПИТАНИЕ
ЧУВСТВ

(ИВАН ГРУЗДЕВ)

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»

Москва 1954

*Моим дорогим ребятам —
театральной студии Центрального Дома культуры
трудоустроенных резервов*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Груздев, 23 лет.

Ольга Тимофеевна Груздева —
его мать, 50 лет.

Груня Саламасова, 20 лет.

Вера, 20 лет.

Галя, 23 лет.

Бабушкина, 22 лет.

Степан, 25 лет.

Алексей Забродин, 23 лет.

Федя, 27 лет.

Аветис Иванович Мальян, 38 лет.

Действие происходит в средней полосе Союза
в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Высокий берег реки. Над самым обрывом пролегает дорога, идущая от речной пристани к заводу. У дороги слева стоит небольшая продовольственная палатка.

За рекой краснеет сосновый бор, озаренный солнцем. Жаркий августовский день. С реки доносятся шум и крики. По дороге от пристани идут Иван Груздев с вещевым мешком за спиной и Груня Саламасова с небольшим чемоданом в руке; одеты легко, по-дорожному. Трехкратный гудок парохода.

Иван (*оглянувшись*). Наш отчалил. Все! (*Шутливо.*) Теперь назад в Москву не удерешь!

Оба смотрят в сторону завода.

С парохода завод казался больше. Верно? Магь писала, его должны расширить. Ага, подъемный кран торчит, гляди! А к нам домой — вон той тропинкой, вниз с обрыва, к парому и на ту сторону реки. Видишь заводской поселок? Наш дом крайний, у берега. Я тебе говорил, купаться чуть не прямо из окна! Хорошо у нас?

Грун я. Где помещается отдел кадров?

Иван. Успеется, Грун я... Посоветуемся с матерью. Ты подожди здесь с вещами. (*Кладет вещевого мешок на землю.*) Сбегаю к матери на завод, ключ от дома возьму. Вот она удивится!.. И сразу ругать начнет. Такой характер! (*Уходит к заводу.*)

Грун я присаживается на чемодан, смотрит на реку. От завода быстро идет Маль ян; одет в полувоенный костюм, стремителен, жесты широкие, выражающие постоянное нетерпение. Его догоняет Галя; одета со вкусом, скромно.

Галя. Аветис Иванович! Аветис Иванович!

Маль ян (*остановился*). Что там еще случилось? Я ушел! Исчез! Растворился!

Галя (*умоляюще*). Да нет, Аветис Иванович, в цехе все в порядке. Я по личному вопросу...

Маль ян. Партийный актив в городе — тороплюсь. И вообще, почему уходите из цеха до гудка?

Галя. Меня Федя отпустил. (*Торопливо.*) В цехе вы всегда заняты. После работы вы тоже заняты. А мне нужно решить. Хотела к вам в столовой подойти, но вы не пообедали...

Маль ян. Обед у меня в кармане. (*Смотрит на часы.*) Пять минут. Жалуйтесь. Кто обидел?

Галя (*нервничая*). Сейчас. Как это объяснить...

Маль ян (*улыбнулся*). Ну, ну, формулируйте. (*Смотрит на реку.*) Красавец пароход! Как лебедь под солнцем. Московский. (*Разглядывая Грун ю.*) В каждый рейс кого-нибудь да привозит к нам на завод... (*Гале.*) Готово?

Галя (*решившись*). Аветис Иванович, увольте меня из цеха.

Маль ян (*поражен*). Вот как!.. (*Быстро.*) Надоело работать? Замуж?

Г а л я. Нет. Я, может быть, учиться пойду...

М а л ь я н. Может быть? Хм! На заводе вечерний техникум; разве плохо?

Г а л я. Я в Москву хочу!

М а л ь я н. Москва!.. *(Груне.)* Вы, девушка, из Москвы?

Г р у н я. Ага.

М а л ь я н. Ну что, здесь хуже?

Г р у н я. Не знаю... Просторно у вас!..

М а л ь я н. Вот!

Г а л я. Отпустите, Аветис Иванович.

М а л ь я н *(помрачнев)*. Что ж... Правду сказать, не думал, что вы... Не понимаю. Отличная работница... Не терплю уговаривать! Пожалуйста. Насильно не держу. *(Распаляясь.)* Пишите заявление! Завтра! Сейчас! Вот ручка. Бумага... *(Роется в кармане, достает сверток с бутербродом, разворачивает, отдает чистый листок.)* Пять минут!

Г а л я *(растерявшись)*. Я могу завтра... Вы спешите...

М а л ь я н. Сейчас! Здесь! Подумаешь, событие! Еще один человек уходит. Это я раньше переживал каждый уход рабочего из цеха, как личную обиду. Теперь мне без-раз-лич-но! Эх, ты! Надеялся на тебя. Ну, пиши!

Молчание.

Г а л я. Почему вы никогда ни с кем из нас не говорили по душам?

М а л ь я н. Зачем?

Г а л я. Зачем! Затем, что у каждого из нас есть какие-то свои сомнения... Станешь иногда в тупик: как жизнь строить? И ничего не можешь решить. А че-

ловек опытный, умный, которого ребята... любят... чуть ли не боготворят, который мог бы помочь, — он в стороне, словно и не видит тебя!..

М а л ь я н (*глядя в землю*). Вы о себе говорите, Галя? Мне казалось, вы достаточно... самостоятельны. Даже сторонитесь меня.

Г а л я. Я обо всех говорю! Да вот, например, у нас в цехе едва начнут в какой-нибудь бригаде обсуждать личные вопросы, вы всегда уходите.

М а л ь я н. Няньку просите!

Г а л я. Федя рассказывает, раньше вы по-другому говорили. Каждый шаг ребят направляли. Они вас отцом называли.

М а л ь я н. Не отцом, а хозяином называли. Возмутительное слово! Именно потому, что за всех думал и за всех решал!

Г а л я. Я хочу стать взрослой! Ведь вот вы меня ребенком считаете, а мне скоро двадцать четыре года. Конечно, я смешно говорю, я понимаю... Но я ужасно боюсь заглохнуть здесь!

Г р у н я. Извините, пожалуйста... Вы с завода?

М а л ь я н. С завода.

Г р у н я. Значит, здесь требуются рабочие?

М а л ь я н. Весьма! А вы на завод? Или в гости?

Г р у н я. Работать.

М а л ь я н. Специальность есть?

Г р у н я. Будет.

М а л ь я н. Молодец. Тоже с мамой советуешься?

Г р у н я. У меня нет родителей.

М а л ь я н. Война...

Груня кивает головой.

(*С сердцем, Гале.*) В Москву! Здесь трудно! Одиноко!

Знаю, на рояле играете. Язык французский изучаете. Передовой быть хочется! Человеком хотите стать — отдайте товарищам кусочек души своей. *(Махнув рукой.)* А!.. *(Отбирает ручку.)* Написали заявление?

Г а л я. Я... Аветис Иванович!.. *(Повернулась, пошла.)*

М а л ь я н. Галя!

Г а л я, не отвечая, уходит.

(Груне.) И обертку унесла. Что с бутербродом делать? *(Предлагает Груне.)* Пообедаем?

Груня отказывается.

(Ест.) Вот, за три года замечательной сборщицей стала — и теперь отпустить... На сборку хочешь? Отдел кадров на первом этаже. Скажешь, чтоб ко мне направили. Мальян. Начальник первого сборочного цеха. *(Усмехнувшись.)* Нельзя ей оставаться! В Москву!.. Как зовут?

Г р у н я. Саламасова Груня.

М а л ь я н. Да... *(Вздыхнул о чем-то своем.)* Правда, постарел. Не понимаю... *(Кивает Груне.)* Через год тоже придешь ко мне личные вопросы разрешать. Я ведь, знаешь, оракул, звездочет, всезнайка, не человек. *(Посмотрел на часы, махнул рукой, пошел к пристани.)*

По дороге от завода быстро идет И в а н.

И в а н. Заждалась? Понимаешь, заблудился! Все перестроили, перегородили — никого не могу разыскать. И вдруг смотрю, на красной доске в самом центре Леша Забродин! Помнишь, рассказывал, сосед у нас был. Дружили с ним, пока не разъехались — я в тех-

никум, он в армию. Оказывается, он отслужил, вернулся на завод. Стахановец сборочного цеха! Лешка! По голосу меня узнал, зашумел в телефон... Сообщит матери, что я приехал и жду здесь. (*Присел рядом с Груней.*) Разглядела наши места? Ты не волнуйся, примут здесь хорошо. Отец всю жизнь на этом заводе работал, все тут знакомые — помогут...

Груня. Будет тебе.

Заводской гудок. В палатке открылось окно.

Иван. В сборочных цехах смена кончилась.

Оба встали, смотрят в сторону завода.

Сейчас народ пойдет. Гляди! Городские на станцию пошли.

Груня. Вон парень не тебя высматривает?

Входит Алексей.

Иван. Леша! (*Бежит навстречу Алексею.*)

Алексей. Ваня! Друг! (*Пожимает руку.*) На лето приехал? К матери — жиру набираться?

Иван. Работать, Леша, работать! (*Хлопает себя по карману.*) Направление на завод! К вам!

Алексей. Ваня!..

Иван. Леша!..

Молча рассматривают друг друга.

Алексей. Техник. Что ж, технологом? Или в мастера? Или, может, в начальники?

Иван. Ты-то сам на каком месте работаешь?

Алексей. Выпускающий на сборке.

Иван. Ага, гвоздь бригады! Значит, у вас сборка идет тоже с выпускающим...

Алексей. А как же! Бригада собирает часы на-черно. Мне нужно каждый механизм снова проверить, дефекты устранить — и на выпуск. За всю продукцию отвечаю один. Так что — гвозды! *(Смеется.)*

Иван. Послушай, Леша, нельзя ли мне к вам в бригаду устроиться?

Алексей. Мастером? У нас ведь есть мастер...

Иван. Нет, просто сборщиком.

Алексей *(свистит)*. Стоило для этого техникум кончать!

Иван. Стоило. Выпускающим бы, Леша!

Алексей. На выпуске без практики трудно будет. Место есть... План увеличили, и нам в бригаду второй выпускающий требуется, мне под пару.

Иван. Устрой, Леша! Обязательно на выпуск!

Алексей. Что, у тебя особый интерес к этому делу?

Иван. Есть интерес. Хочется самому во всем этом разобратся, с самого начала.

Алексей. Ладно, сделаем. Мастера я уговорю.

Иван. Понимаешь, тут не только меня. Тут еще... *(Указывает на Груню.)* Вот познакомься.

Алексей. Ого!

Иван. Да нет... Просто она тут никого не знает, помочь надо... Груня, иди-ка сюда.

Груня. Мне и здесь хорошо.

Иван. Она вообще-то немного работала слесарем, но это не женское дело. Можно подобрать специальность на сборке, подучить... Груня, познакомься.

Алексей *(делает шаг к Груне)*. Алексей.

Груня *(невозмутимо)*. Аграфена.

Алексей. Ладно, пристроим, учениц берут.

Груня. А вы не старайтесь. Я уже договорилась.

Иван. Нет, Груня, серьезно, он может поговорить на заводе.

Груня. Тут проходил начальник сборочного цеха, и мы договорились,— Мальян.

Алексей *(с восхищением)*. Верно! Молодец!.. Значит, решено, Ваня, устраиваю тебя в нашу бригаду.

Иван. Как же это оформить?

Алексей. Начинать будем с цехового начальства. Основное — мастера Федю уговорить. Его Мальян уважает. И вообще славный парень — комсоргом выбрали. Сейчас должен выйти с завода. Он тут из детского сада дочку домой отводит. А садик-то вон, двухэтажный. Товарищи! Пока что пивка! А? Со встречи!

Иван. Можно. *(Потянулся за деньгами.)*

Алексей. Брось, заработаешь — угостишь. *(Груне.)* И вы с нами. Пиво тут хорошее.

Груня. Я не пью.

Алексей. Зря. *(Подводит Ивана к палатке.)* Отец, два раза по сто грамм и пару пива. Верно? Как у нас, Аграфена?

Груня. Шумно чересчур.

Алексей. Ух, строга! *(Хохочет)* Ну, за встречу, за работу, за все, Ваня!

Пьют.

Мамаша твоя обрадуется. Трудно ей было без тебя.

Иван. Мать заберу с завода, пусть отдохнет.

Алексей. Верно. Скучала она. Зайдет, бывало, к нам вечером, сидит, молчит. А ты почему прошлым летом не приехал? *(Кивает на Груню.)* Не пускала?

Иван. Скажешь тоже...

Алексей *(вполголоса)*. Им волю нельзя давать— на голову сядут. Женщиной нужно руководить.

Иван (смеясь). А ты откуда знаешь?

Алексей. Я-то? Ха!.. Стой! Федя у проходной. Я его сюда заверну.

Иван. Лучше мы к нему...

Алексей. Да нет, здесь поговорим, попросту. (Убегает.)

Иван. Груня, как тебе Леша, нравится?

Груня. Хвастун.

Иван. Ну, ты уж...

Входят Алексей и Федя.

Алексей. Вот они. Груздев! Иди сюда.

Федя. Нет у меня времени. За дочкой нужно. Разберут всех детей, оставят ее одну с няней... Жена говорит, это плохо действует на ребенка.

Алексей. Федя! Федор Илларионович! Одну минуту!

Федя. Не могу я брать новичков! Не могу! Понимаешь ты?

Алексей. Нам же требуется выпускающий!

Федя. Еще что придумаешь? Девушку — ученицей на легкую операцию куда ни шло. Но малоопытного человека на выпуск... Пусть твой товарищ не обижается. Но мне обещали Куренкова перевести из цеха будильников. Старый, опытный будильник... Тьфу! Опытный рабочий. Пускай твой товарищ на будильники идет.

Алексей. Но почему туда можно, а к нам нельзя?

Федя. Потому что у меня план на волоске висит! Понимаешь, план! Мне некогда его обучать.

Алексей. Вечно у тебя план на волоске, и всегда мы перевыполняем. Брось. Ты не знаешь, что он за человек. Техникум в Москве окончил.

Федя. Приборостроения? В Нижних Котлах?

Алексей. Точно. *(В палатку.)* Отец, пару пива!

(Феде.) И как окончил! Одни пятерки.

Иван. Ну ты... Четверки-то у меня есть...

Алексей. Работать умеет, как вол.

Иван. Алексей...

Алексей. Да помолчи ты! Федя, попробуй пиво!

Федя. Спасибо. *(Пьет.)*

Алексей. Насчет неопытности не беспокойся. Я все ему покажу, помогу, если что случится — подсыду. Что ж, я дружку своему не подсоблю, что ли?

Федя. Ты поможешь! Знаю я, как ты помогаешь. Почему Вера на хоркружок перестала ходить? Она солистка. Последние репетиции. Скоро выступление.

Алексей. Ничего я не знаю. *(Всем.)* Сразу видно, комсорг!

Федя. Ты виноват! Ты что, пиво не пьешь?

Алексей. Нет.

Федя. Я допью. *(Пьет.)* Смотри, сегодня вечером у них последняя спевка. Я сам туда зайду.

Алексей. Может, я ее не увижу.

Федя. Ты ее не увидишь? Забродин!

Алексей. Ты давай не сворачивай: возьмешь Груздева или нет?

Федя. Если б у него практики побольше...

Алексей. Скажи, уважаешь ты меня или нет?

Федя. Конечно, у тебя есть недостатки, я тебе прямо говорю. Но насчет работы ничего плохого не могу отметить.

Алексей. Так вот, он мой друг, и я буду работать только вместе с ним.

Иван. Леша! Может, и вправду не стоит?

А л е к с е й. Погоди! Тут в принципе дело! Уважает он меня или нет!

Ф е д я. Вот напористый человек... (*Ивану, нерешительно.*) Комсомолец?

И в а н. Комсомолец. (*Кивает на Груню.*) И она комсомолка.

Ф е д я (*с улыбкой, сдаваясь*). Членские взносы уплачены?

И в а н. Все уплачено.

Ф е д я (*кивая на Груню*). Законная?

А л е к с е й. Уж за него не тревожься. Он человек точный, не то, что я.

Ф е д я. Ну, смотри, Забродин, твоя рекомендация.

А л е к с е й. Федя, в жизни тебе этого не забуду!

И в а н. Спасибо! Я именно на сборку желал.

Ф е д я (*пожимает руку Ивану*). Ладно. В добрый час! Народ у нас сознательный. По комсомольской линии нагрузку тебе дадим. В общем, создадим нормальные условия. Только план давай! Есть?

И в а н. Есть!

Ф е д я (*опомнился*). Дочка!.. Который час?

А л е к с е й. Пять двадцать.

Ф е д я. Завтра с утра приходи, зайдем в отдел кадров... Диплом возьми, направление. С Мальяном договоримся.

А л е к с е й. Да уж, конечно...

Ф е д я. Всего! (*Кричит проходящему рабочему.*) Почему пружины задерживаешь? Тебе, тебе говорю! (*Убегает.*)

И в а н. Что это он такой нервный?

А л е к с е й. Первое число подходит. Ну, дело сделано.

(Внезапно.) Ванюша! Дорогой! Люблю тебя, честное слово. Вернулся! Друг ты мне единственный, Ваня. Веришь? И никто промеж нас с тобой никогда не встанет. Никто. Никогда. Помнишь, как мы клятву давали, когда на плесе играли? Самое, самое, самое крепкое чапаевское...

Иван *(подхватывая)*. ...чтоб мне языком землю лизать!

Оба расхохотались.

Четыре года назад кто мы с тобой были?

Алексей *(продолжает смеяться)*. Шпана голопузая!

Иван. А сегодня мы кто? Рабочий класс. Ответственно, брат!

Алексей *(задушевно)*. Тебе, Ваня, нужно сразу положение завоевать на заводе.

Иван. Положение? Нет, понимаешь... Что положение? Я тебе скажу. *(Таинственно.)* Мне товарищи нужны, Леша.

Алексей *(подыгрывая)*. Опять собираешься на луну лететь?

Иван. Шутишь! Я ведь жить сюда пришел. А жить — это же не значит деньги зарабатывать или... Ты-то понимаешь! Ты все понимаешь. Жить — это что же? Это значит помогать друг другу...

Алексей *(хохочет, обнимает Ивана)*. Ванька! Люблю тебя, фантазера! Путаник ты! Я тебе скажу: начнешь работать — поймешь, зачем жить стоит! Так научиться работать, чтоб взял посторонний человек в руки мои часы, zalюбовался и сказал: «Забродина работа!» Как смотрят на картину художника знаменитого... этого... ну... *(Груне.)* Вот она, верно, знает!.. А?

Груня. Тоже в музей хочется?

Алексей (*разозлился*). Подкусывает... Да, в музей! Питер-голландец часы сделал — в музее стоят. Двести лет точно идут! Вот зачем жизнь прожить! Плохо? Да, гвоздь бригады! Видел, как Федя мной дорожит? Опытные часы собирают — в министерство на испытание послать, — кого на сборку сажают? Забродина! Уважение! Зачем, думаешь, это мне? Правильно, не для денег. Для свободы! Чтоб никто указывать не мог! Зато работаю, как хочу, пробую, что желаю. Только так мастером стану. (*Груне.*) И в музей попаду!.. К этому стремись, Ваня!

Иван. В одиночку. Как двести лет назад. Что ты один, без коллектива сможешь?

Алексей. Коллектив! Брось! Политграмота...

Иван. Нет, нет, нет, Леша!..

Алексей. Ладно, не спорь, я этого не люблю! (*Интимно.*) Почему она такая... неразговорчивая? Давно с ней знаком?

Иван. На заводе я практику проходил, она туда из детдома пришла работать. Познакомились. Она было слесарем начала, ну, девушке трудно... Я ее сюда уговорил поехать на сборку. Сирота — ей все равно.

Алексей. Сирота!.. А за то, что она пива не пьет, мы ей яблочко! Отец! (*Покупает яблоко.*) В расчете. (*Обняв Ивана, поет.*) «Жили два друга...» Грушенька, поскольку ты не мужчина, значит, в мужской дружбе ничего не понимаешь... Ты должна слушаться его беспре-голословно... Он золотой человек!.. За это вот тебе яблочко! (*Подает ей яблоко.*)

Груня (*спокойно*). Очень противно, когда подросток напивается. (*Швыряет яблоко в реку.*)

Алексей. Подросток! (*Хохочет.*) Смотри ты!..

Она обиделась. Вы не обижайтесь. Ваня, она у тебя хорошая. Видать, добрая такая... Конечно, она, прямо, откровенно скажу, не очень красавица какая-либо... Но вообще одобряю, ничего. Подумаешь, «подросток»! Ей тоже помогу в бригаду к нам... (*Прохаживается.*) «Подросток напивается!» Ничего я не напился! Даже не качаюсь! Капельку пива выпили со встречи. А хочешь, я перед тобой на руках пройду? (*Пытается встать на руки.*)

Иван (удерживая его). Не надо, Леша.

Алексей. Нет, ты пусти, пусти. Что это она? Пусть видит, могу я или не могу! Пусти.

На реке женские голоса поют песню. Снизу от реки поднимается
В е р а.

В е р а. Леша! Почему не идешь? (*С удивлением смотрит на упражнения Алексея.*) Что это ты?..

А л е к с е й (несколько смущен). А-а... Да вот беседуем... Задержался. Друг приехал, Груздев. Я тебе рассказывал о нем. Знакомься. Вдвоем в цехе у нас будут работать.

В е р а. Здравствуйте. (*Подает руку Ивану и Груне.*) Леша, как же... (*Оттаскивает его в сторону.*) Пойдем!

И в а н. Леша, если тебе нужно идти, ты иди. Завтра займемся.

А л е к с е й. Успею.

В е р а. До чего хорошо внизу на речке! (*Всем.*) Наши пошли купаться. Слышите, песню поют. Новая. И откуда, кто привез, не знаю. (*Алексею.*) Сказать тебе слова? Я записала.

А л е к с е й. Ты всем скажи. (*Кивает на Веру.*) Солистка в хоре.

В е р а. Слышите мотив? (*Читает по бумажке.*)

Гвозди́ки алые, багряно-пряные,
Сбирал я вечером, ждала их ты.
А ночью снились мне сны небывалые
И снились алые цветы, цветы.

А л е к с е й. Ну-ка, дальше... Да ты напой. (*С гордостью.*) Золотой голос.

В е р а (*поет*).

Мне снилась девушка, такая милая,
Такая нежная, а взгляд — гроза.
И сердце ранили мечты обманные,
И жгли лучистые ее глаза.
Казалось, будто бы она, усталая,
Склонила голову на грудь мою.
Вот эту девушку с глазами черными,
С глазами жгучими с тех пор люблю!

О х, не могу, какая песня! Нравится?
И в а н. Хорошая песня. А, Груня?

Груня пожимает плечами. В е р а напевает без слов. Заводской гудок.

В механических кончили... Груня, мать идет.

Входят Ольга Тимофеевна и Галя.

Здравствуйте, мама.

О л ь г а Т и м о ф е е в н а. Ну... подойди.

Иван подходит, целует ее в лоб.

Пожаловал. Уж я думала — совсем не приедешь. Что, вырос он, Галя, или мне мерещится?

Г а л я (*вздыхая*). Это я не расту!.. (*Лукиво улыб-*

нулась.) А он... Вырасти-то он вырос, Ольга Тимофеевна...

Ольга Тимофеевна. Поумнел ли? Поглядим-послушаем. Что с Галей не здороваешься, не узнал, что ли?

Иван. Разве забудешь! *(Пожимает ей руку.)* Вся школа задирой называла.

Ольга Тимофеевна. Не забывала меня, заходила. Соседка! А родной сын --- в полгода открытку. Самостоятелен стал. С глаз долой --- из сердца вон! Так оно, конечно, легче жить --- спокойнее.

Алексей. Зато теперь навечно приехал!

Ольга Тимофеевна *(недоверчиво)*. Правду говорит?

Иван. Правду. На нашем заводе теперь буду работать.

Ольга Тимофеевна *(с облегчением)*. Слава тебе, господи! Образумился. Ну, бери вещи, домой пойдем. Комнату отцовскую тебе приготовила. Ждала все же... *(Строго.)* Диплом покажешь. Небось одни тройки.

Алексей. Наоборот, Ольга Тимофеевна!

Ольга Тимофеевна. Помалкивай, защитник.

Алексей. Что значит --- помалкивай! И сам молчит! Да он жену с собой привез!

Иван. Да нет же, Леша!..

Ольга Тимофеевна. Кого привез?

Иван. Что он болтает?! Вы вот познакомьтесь, мама... Груня!

Ольга Тимофеевна *(не двигаясь с места)*. Жену... Что ж она, тоже неграмотная --- писем не пишет?

Алексей. Посекретничали.

Груня (*шагнув вперед*). А вы не волнуйтесь, никакая я ему не жена.

Ольга Тимофеевна. Знакомая?

Груня. Никто. Он получил направление сюда. И я получила направление. Вместе приехали. Вот только комнату хочу у вас снять.

Ольга Тимофеевна. Какую комнату?

Иван. Отцовскую.

Груня. Я платить буду.

Ольга Тимофеевна. Квартирантку, значит, привез. (*Помолчав.*) Как хотите. Твоя комната — распоряжайся. Нечего стоять середь дороги людям на смех. Ступайте в дом. Галя, ты идешь? (*Ивану и Груне.*) Ну, пошли, пошли. (*Уходит.*)

Галя (*всплеснула руками перед носом у Ивана*). Ай-яй-яй, какой он взрослый стал! Какой умный! Какой красивый!

Вера. Тебе всегда все смешно!

Галя (*рассматривает Веру*). Ну, конечно! Верушка разоделась, как солнышко! Прелесть. Алеша растаял!

Вера (*смеясь*). Вот подожди, проучит тебя кто-нибудь! А то тебя избаловали — все в тебя влюбляются, а ты ни в кого. Пострадаешь еще! За свой злой язык ты, ты...

Галя. Я влюблюсь в знаменитого киноартиста, высохну от несчастной любви и умру старой девой! Бррр! Ужас! Ольга Тимофеевна, иду! (*Убегает.*)

Алексей. Пустая девчонка!

Иван. Пойдем, Груня.

Груня молчит.

Груня!

Груня. Не пойду! Никуда я не пойду! Я в город... В общежитие. Сама устроюсь! *(Хватает чемодан.)*

Иван. Что ты, Груня...

Груня. Говорила, говорила: не хочу вместе ехать, селиться у вас, чтоб все меня за жену принимали. Я работать приехала. А они тут: жену привез, жену! Привез! Сама не могу приехать? Просто так приехать? *(Идет к пристани.)*

Алексей. Ваня! А он ни с места! У! Лапша! *(Бросается к Груне, вырывает у нее чемодан, хватая под руку.)* Никуда не поедешь! Тоже мне, характер показывает! Не порть человеку настроение! Да это ж я виноват: я правда подумал, что жена! Иди!

Груня. Пустите!

Алексей *(толкая Ивана и Груню вслед за Ольгой Тимофеевной)*. Ладно, ладно...

Груня *(вырвавшись)*. Ну! Сама пойду! *(Уходит к поселку.)*

Иван. До завтра, Леша! Спасибо за все! *(Уходит за ней.)*

Алексей *(глядя вслед ушедшим)*. Пошли, милые.

Вера. Мне кажется, злая она.

Алексей. Да, заноза. *(Садится на краю обрыва.)*

Вера *(встала возле Алексея)*. Вечереет.

Алексей. Неохота домой идти. Мать опять заведет шарманку...

Вера. Не ходи.

Алексей. Ты-то на спевку пойдешь?

Вера. Не знаю.

Алексей *(равнодушно)*. Сходи, неудобно.

Вера *(покорно)*. Схожу.

Алексей. А из Ваньки толк выйдет! Я талант

у рабочего за версту чую. Фантазер он, конечно! Жизни еще не знает. (*Помолчав.*) Когда-нибудь все-таки будут обо мне в музее рассказывать! Правильно я говорю? (*Хочет обнять ее.*)

В е р а (*отстранилась*). Леша!..

А л е к с е й. Что? Я ничего плохого... Ветер с реки — озябнешь.

В е р а. Какого цвета глаза у этой Груни?

А л е к с е й. Серые.

В е р а (*тянет его за чуб*). Вот тебе за это! Все заметил! Я вот не помню, какие волосы у твоего товарища — бритый он или кудрявый, я даже его самого совсем не видела. А ты!.. Ты!.. Когда я рядом! Убить тебя!

А л е к с е й. Знаешь, что мне пришло в голову? Не хорошо, что ты, кроме меня, ничего на свете не видишь. Я так не могу. Я люблю посмотреть людей, послушать... Бывает, скажет человек словечко!.. Знаешь, слово, как форточка — можно в чужую душу заглянуть. Перезнакомиться со всеми — это сколько нового узнать можно! И тебе это полезно — ты же дышенок еще. Понятно?

В е р а (*вздыхнув*). На беду я тебя встретила, Алеша.

А л е к с е й. Все свое твердишь! Спой лучше.

В е р а. Не хочется. (*Задумчалась.*)

Вбегает Ф е д я.

Ф е д я. Так я и знал! Знал! Там на репетиции все собрались и ждут. А она здесь! С ним!

В е р а. Не надо кричать, Феденька. Вечер такой славный.

Ф е д я. А я приказываю!..

Алексей (*поглядев на Федю*). Вера, пошли на реку. Поговорить нужно. На спевку успеешь.

Вера. Да, пойдем! Смотрите, рыба выпрыгнула! Еще!.. (*Спускается с обрыва.*)

Алексей (*спускаясь за ней*). Кланяйся там вашему, этому... дирижеру!

Федя (*вдогонку*). Ну, погоди! Покажу тебе!.. (*С невольным восхищением.*) Анархист, анафема! (*Постоял, улыбнулся, покачав головой, ушел к заводу.*)

Далеко поют высокие девичьи голоса.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Завод. Справа впереди у большого, во всю стену окна стол Груздева, отделенный от цеха застекленной перегородкой. В центре в глубине видна часть цеха с широкими окнами, длинный стол, за которым лицом к окну сидят сборщики в белых халатах и белых шапочках и косынках. За окнами виднеются заснеженные крыши невысоких построек. Слева впереди стол, вешалка для халатов и дверь на лестничную площадку.

Гудок, взвещающий конец смены. Рабочие расходятся из цеха. За столом справа у окна сидит Иван; перед ним на столе высокая стопка плоских коробочек с часами.

Иван. Забродин! Алексей!

Из цеха выходит Алексей.

Алексей. Опять задерживаешься?

Иван. Посмотри-ка, колесо здесь попорчено? *(Показывает механизм.)*

Алексей *(вынимает из кармана луну, вставляет в глаз)*. Да, есть...

Иван. Каким образом можно его так погнуть, Леша?

Алексей (*прячет лупу*). Небрежность. Колесо кто ставил? Степан?

Иван. Степан. Я наблюдал за его работой...

Алексей. Безобразия, конечно! Но послушай: нашел дефект — не переживай полчаса. Выправляй и берись за следующий механизм. Иначе никогда норму не сделаешь. Смотри, какую массу накопил... (*Доверительно.*) Ребята на тебя в обиде — план заваливаешь. Ты ведь не маленький, понимаешь, зачем Федя велел бригаде остаться после работы!

Иван. А посмотри в этом механизме...

Из цеха выходит Груня.

Груня (*радостно возбужденная*). Все! Научилась заливать масло в гнезда! Кажется, пустяк, а Галя со мной целый день провозилась! Товарищи, Федя сейчас объявит результаты, и пойдем на каток!

Иван. Это Алексей тебе попутчик. А я сегодня здесь надолго застрял.

Груня (*с тревогой*). Не успел, Ваня?

Иван. Да, понимаешь, такая история... Леша, а этот механизм? (*Передает Алексею механизм.*)

Груня (*заглядывая через плечо Алексея*). Убери чуб — заслоняешь.

Алексей. Тебе не интересно.

Груня. Подумаешь, профессор!

Из цеха выбегает Вера.

Вера. Банка с формалином здесь, Алексей?

Алексей. Я ее в кармане не таскаю.

Вера. Не знаешь, где она?

Алексей. Не знаю. Отстань. Не нужен тебе формалин.

В е р а. Нужен! Руки протереть... (*Уходит в цех.*)

Г р у н я. А колесо погнуто!

И в а н (*с удовлетворением*). Гляди, она уже разбирается! Понимаешь, Алеша, я в который раз натыкаюсь на испорченное колесо. Хочу сегодня проделать весь процесс сборки, проверить, на какой операции может это получиться. Предположения у меня есть, проверить нужно.

А л е к с е й. Брось, Ваня! А норма? Ну, хочешь, подсяду, помогу, вмиг разберем всю стопку. Сколько их тут накопилось?

И в а н. Сотня.

Алексей свистит.

Г р у н я (*проведя пальцем по столу*). Пыль страшная. Так нельзя работать. Это все с площадки заносят. Я вытру пол мокрой тряпкой. (*Убегает на лестницу.*)

А л е к с е й. Помогу ей воду принести... (*Идет за ней.*)

Из цеха выходят Б а б у ш к и н а и С т е п а н.

Б а б у ш к и н а (*Ивану, уничтожающе*). Трудишься?

И в а н (*добродушно*). Стараюсь. Куда, правда, формалин дели? (*Уходит в цех.*)

Б а б у ш к и н а (*Степану*). Опять он совал нос в твою операцию?

С т е п а н. Просил показать, как я ставлю колесо.

Б а б у ш к и н а. Зачем?

С т е п а н. Интересуется человек...

Б а б у ш к и н а. А то, что он вторую неделю норму не выполняет, его, конечно, не интересует? Федя просил бригаду задержаться, чтобы поговорить с Грузде-

вым. Просил подготовить выступление. Ты должен от бригады выступить и разгромить...

Степан. Как же я? Надо раньше понять, что у человека внутри происходит.

Бабушкина. Внутри у него пищеварение происходит, больше ничего!

Степан. Ну, не знаю...

Бабушкина. Ты что, отказываешься выступить? Я вижу, что тебе на интересы бригады наплевать!

Степан. Мне?!

Бабушкина. Тебя вообще не интересуется ничего, кроме твоей собственной персоны!

Степан. Меня?!

Бабушкина. Галстук этот!..

Степан. Ну, что галстук?

Бабушкина. Желтая полоса, зеленая, оранжевая, синяя... Зебра!

Степан (*с возмущением*). Ты вот что! Ты, знаешь... Да!

Бабушкина. Ну, ну, ну! Выругайся хоть раз в жизни! У тебя ни о чем нет своего мнения. Беспринципная тряпка!

Степан. Пусть я тряпка. Но почему беспринципная?

Бабушкина. Потому, что не успею я что-либо сказать, как ты кричишь «нет», не дослушав, не...

Степан. Неправда!

Бабушкина. Вот видишь! А через секунду кричишь «да»!

Степан. Да, это бывает.

Бабушкина. А когда спрашиваешь твое мнение, виноват Груздев или не виноват, ты начинаешь мямлить и напевать свое «пириям-бам-бам»...

Степан. Видишь ли... Вообще я... Сам не знаю, зачем я так...

Бабушкина. Я хочу, чтобы ты занял мою позицию... нашу позицию! Чтоб отказался от всяких своих штучек, которые я ненавижу, и мужественно выступил против Груздева.

Степан. Положим, я свои штучки брошу и выступлю. А ты бросишь?

Бабушкина. Что?

Степан. Ты свои штучки бросишь?

Бабушкина (*высокомерно*). У меня нет никаких штучек, которые мешают другим в работе. Никаких!

Степан. А придирайтесь ко мне по пустякам и высокомерно ворчать на все, как старая дева?

Бабушкина. Я?! Как старая дева?!

Степан. Пожилая...

Бабушкина. Я прин-ци-пиаль-но говорю! Всегда! Только!

Степан. Ну, поехала...

Бабушкина. Для меня нет ничего, кроме работы! Другие гуляют, танцуют, влюбляются, а я ничего этого не делаю.

Степан. Ну и зря.

Бабушкина. И не хочу этого делать. Я сижу на работе больше других. Я ставлю свою деталь в пятнадцать секунд. Это рекорд. Я остаюсь на всякие цехкомы и завкомы, обеспечиваю выпуск стенгазеты и, если хочешь знать, сама за вас все статьи пишу... под разными фамилиями. Дома ночью думаю о работе! И ты смеешь мне говорить...

Степан. У тебя нет недостатков?

Бабушкина. Нет.

Степан (*напевает*). Пириям-бам-бам...

Бабушкина. Опять! В тебе нет ничего коммунистического!

Степан. А что такое коммунистическое? Хочешь, чтоб я был похож на тебя?

Бабушкина. Да.

Степан. Чтоб все во всем были похожи на тебя?

Бабушкина. Да!.. Да!..

Степан. Нема дураков! Дураков... *(Неожиданно улыбается.)* Не будем ругаться, бабушка. Красота какая за окнами! Солнышко заходит. Снег блестит. Где-то там еще солнце крутится, и тоже вокруг него планеты разные, и на них люди! И везде города, заводы...

Бабушкина. Ну и что?

Степан. Что? Хорошо!.. Я выступлю! Скажу все, что думаю! Ты права, надо решительно и категорически. Прямо и ясно.

Бабушкина. Наконец-то! Все-таки я тебя воспитаю. Только попроще, Степа, и порезче.

На лестнице слышны голоса Груни и Алексея.

(Посмотрев вниз с площадки.) Вот что еще ему настроение портит. Видишь, к чему это приводит?

Степан *(напевает)*. Пириям-бам-бам... *(Хлопает Бабушкину по спине.)*

Бабушкина. Не хулигань. Терпеть этого не могу!.. *(Уходит в цех.)*

Степан. От этого не уйдешь, бабочка!.. *(Уходит за ней.)*

С лестничной площадки входят Груня и Алексей, они несут ведро с водой и швабру. За перегородкой Иван напевает:
«Гвоздiki алые...» Груня принимается мыть пол.

Алексей (*наблюдает за Груней*). Хорошая песня: Груня. Отойди.

Алексей. Мне и здесь удобно.

Груня (*задевает его шваброй по ногам*). Мешаешь.

Алексей. А ты привыкай. (*Посмеивается*.) Чем это я тебе не понравился?

Груня. Больно вырос, свет загораживаешь.

Алексей. Ох, Груня, Груня!..

Груня. Что? (*Выпрямилась, оперлась о швабру*.) Что ты за человек? Добрый или злой?

Алексей. Свирепый.

Груня. Ты скажи, почему Ване не помогаешь? Видишь, ему трудно.

Алексей. Не просит он.

Груня. Гордость, пойми.

Алексей (*оставляя шутливый тон, горячо*). Ты не тревожься, я помогу. У меня таких друзей, как Иван, больше не было. И не будет. Я для него приспособление придумал — в два раза время операции сокращается. Станочек для механизма. Слесарная работа. Договориться только с кем-нибудь из механического цеха...

Груня. Сложно?

Алексей. Пустяк! Ободок на шарнире... Я сделал чертежик.

Груня. Может, я сумею...

Алексей. А, да ты же была слесарем! С этим ободком Ваня сразу вперед вырвется.

Груня. А если он с этим ободком тебя обгонит! Пожалеешь?

Алексей (*выхватывает из кармана листок, отдает Груне*). Бери! Сделай!

Грун я. Смотри ж! (*Рассматривает чертеж.*)

А л е к с е й. А что? (*Помолчал, потом усмехнулся.*)
Друг — это знаешь как? Друг в бою не выдаст, последним сухарем поделится. Ну, а... а девушку отобьет!

Грун я. Ну, что уставился? (*Прячет чертеж в карман.*) Отойди!..

А л е к с е й. Смеешься...

Грун я. Алексей!..

Алексей бросается к Груне, обнимает ее и целует.

(*Вырываясь.*) Пусти! Тряпка упала...

А л е к с е й. Черт с ней...

Грун я. Пусти! (*Вырвалась, отступила на шаг.*)

Молчание.

А л е к с е й. Приходи вечером в клуб. Слышишь? Я ждать буду.

Грун я (*с силой*). Другом зовешься! (*Идет к столу Груздева.*) Ваня!

А л е к с е й. Дела-а!.. (*Закурил, ушел.*)

Из цеха выходит И в а н, подходит к Груне.

И в а н. Вытерла пол?

Грун я. Ох, Ваня!.. (*Всплеснула руками.*) Вымыла я пол.

И в а н. Что с тобой?

Грун я. А ты все с этим колесиком...

Молчание. Грун я улыбается.

И в а н. Чему ты смеешься?

Грун я. Так, без причины. Когда же ты всем расскажешь об этом колесе? Неделю собираешься.

Иван. Видишь ли, я и не знаю, как сказать об этом бригаде. Ведь все обернется против Алеши.

Груня. Дружка подвести не хочешь!

Иван. Дружка!.. Он мне друг! Это самое верное, что есть на свете. И он надеется на мою дружбу. А ты знаешь, что значит для Алеши его работа. И своими руками разрушить Алешке... В конце концов, мне что, больше всех нужно? Пусть себе работают, как хотят! Перейду на другой участок, чтоб не мешать бригаде план выполнять.

Груня (*в сильном волнении*). Хочешь руки умыть, и в сторону? Чтоб только Забродин, не дай бог, не обиделся! В этом — дружба ваша мужская?

Иван. Ты, мне сдается, просто почему-то невлюбила Алексея.

Груня. Да не хочу я о нем думать! Я о тебе говорю.

Иван (*помолчав, с улыбкой*). Ох, баламутка ты...

Груня. Жалеешь, что я приехала сюда... А я не жалею!

Иван (*шагнув к ней*). Груня! Груня!

С площадки входит Алексей.

Алексей. Товарищи! Федя идет!

В коридоре собираются Алексей, Иван, Груня, Бабушкина, Степан, Вера.

Бабушкина. Беспорядок! Смена кончилась, а тут инструмент... Халаты не заперты... (*Прибирает.*)

Входит Федя. Общее молчание.

Федя (*сел*). Уберите сумку с вешалки.

Бабушкина. Вера!

Вера мгновенно убирает сумку.

Степан. Открываю прения. (*Открывает форточку.*)

Бабушкина (*со стоном*). Федя!..

Федя. Завтра нам обеспечено седьмое место.

Бабушкина (*завертелась*). А-а! Черт бы всех нас взял!

Федя. Сядь. (*Устало.*) Заработки будут все же неплохие, я прикинул. Кроме Груздева. У тебя там, знаешь, совсем мало наработано.

Иван. Знаю.

Бабушкина. Да я бы всю свою зарплату отдала, только бы мы с первых мест не слетели! Позор, товарищи!

Молчание.

Федя. Почему Гали нет?

Бабушкина. Вон сидит, к языку готовится. Экзамен у нее скоро.

Федя. У всех свои дела! Только не цех! Галя!.. С тех пор, как она поступила в техникум, беда! Вот влеплю взыскание...

Входит Галя с книгой.

Галя. Федюдюсенька!..

Федя. Серьезнее, серьезнее! Никакой техникум на тебя не действует. У нас деловой разговор. Дѐложи, почему опаздываешь.

Галя (*становясь в позу оратора*). В текущий момент мое опоздание объективных причин не имеет.

Смех.

Федя. Меня передразниваешь? Не смешно.

Галля. Я ведь самоучка, Федор Илларионович...

Смех.

Федя (*улыбнувшись*). Им палец покажи, смеяться станут. Удивительное легкомыслие. (*Заметив, что Галя готовится что-то сказать.*) Что? Не остроумно!

Галля. Да нет, я просто зевнула.

Смех.

Ну, начинайте судилище.

Федя (*разозлившись*). Положение, товарищи, слишком печальное. И я давно замечаю, что все наши претензии к Груздеву Галя старается превратить в шутку! Странная политика. А я не допущу! Объясни комсомольцам, Груздев, что происходит. Конец месяца, завтра решается, какое место мы зайдем по заводу. Сегодня я узнаю, что к завтрашнему дню ты накопил сто штук часов! Теперь тебе уже не успеть... Что делать?

Иван. Не знаю.

Федя. Спокойный ты человек! Вот, Забродин, твоя рекомендация. Молчишь? Он твой друг. Ты за него ручался. Что ты скажешь бригаде?

Алексей молчит.

Так! Что будем делать, товарищи?

Вера. Я в счет будущей премии уже туфли купила!..

Бабушкина. Премия?! Туфли?! Позор, вот что!

Степан. Девушки! Как в курятнике... По очереди!

Галля. Товарищи!..

Ф е д я (*кричит*). Прекрати дурацкие шутки! (*Сдержавшись*.) Что ты хотела сказать?

Г а л я. Что пришел Мальян. Позовем его. (*Убегает в цех*.)

Ф е д я. Не пойдет. Он никогда не вмешивается в наши внутренние дела. И очень правильно.

Из цеха выходят Мальян и Галя.

М а л ь я н. Дискуссия? Опять личные вопросы?

Г а л я (*серьезно*). Мы без вас не разберемся. Пожалуйста!

Ф е д я (*кричит с места*). Вот привязалась! Я же говорил: Аветис Иванович занят.

М а л ь я н. Нет, я свободен. (*Идет к собравшимся*.)

Ф е д я. Ведро! Начцеха увидит!

Груня прячет ведро.

М а л ь я н. В чем дело? (*Сел*.)

Ф е д я. Помогите нам разобраться. Я уже рассказывал вам о том, как работает в последнее время Груздев.

М а л ь я н. Что говорит он сам?

Ф е д я. Молчит.

М а л ь я н. А товарищи?

А л е к с е й. Я считаю, прежде чем ругать друг друга, нужно подумать, как вывезти бригаду. Завтра эти часы должны быть сделаны.

Ф е д я. Что ты предлагаешь?

А л е к с е й. Обязуюсь до завтра выпустить пятьдесят штук.

Б а б у ш к и н а. Вот здорово!

Ф е д я. А остальные пятьдесят штук? Просить Куренкова подсобить?

Бабушкина. Ни за что!

Федя. Ну?

Алексей. Еще двадцать пять к утру сделаю.

Бабушкина. Товарищи, об этом надо будет написать в газету. Это мировой рекорд!

Федя. Справишься?

Алексей. Не доверяешь?

Федя. Я так спрашиваю... А остальные двадцать пять?

Молчание.

Груздев! Черт бы тебя взял. Может быть, ты все-таки шевельнешься? Твоего же слова ждут. Не понимаешь, что ли?

Иван. К утру сделать двадцать пять штук... Нет, я не возьму на себя такого обязательства.

Бабушкина. Что?

Алексей. Бери, я помогу.

Иван. Нет.

Федя (*задыхаясь от гнева*). Ты понимаешь, какой это поступок по отношению к бригаде, Груздев?

Иван. Понимаю.

Федя. Комсомолец!

Иван. Потому, что я комсомолец, я не буду делать то, что считаю вредным.

Федя. Вот, Аветис Иванович, сами видите.

Мальян. Что же именно вредно, товарищ Груздев? Расскажи, будь добр.

Иван. Хорошо, я скажу. Я думаю, что самый большой вред бригаде приносят выпускающие: Алексей Забродин и я.

Федя. Забродин?! Вред?! Алексей, слышишь?..

Бабушкина. Это не вред, это бред, товарищи! (*Громко хохочет.*) Как я его срезала!

Г а л я. Дайте сказать Груздеву!

Б а б у ш к и н а. Бред! Бред! Зарапортовался!

С т е п а н. Бабушка, ну зачем!.. Тише! Говори, высказывайся, Ваня!

И в а н. Товарищи, понимаете, в чем дело... Вы все собираете часы. Каждый ставит свою деталь. И каждый из вас отвечает только за свою деталь. А целиком за часы отвечает, по существу, один выпускающий. Я не хочу сказать, что вы сознательно плохо работаете. Но когда человек отвечает только за свою маленькую деталь, у него поневоле снижается требовательность к себе: мол, все равно Забродин выправит. А зарплату каждому платят за его деталь независимо от того, каким получился весь механизм. Вот это все, мне кажется, очень неправильно. Нужно изменить...

Ф е д я. Это очень серьезное обвинение товарищам, Груздев. И, знаешь, нужно иметь смелость в твоём положении, чтоб свалить с больной головы на здоровую... Вся бригада плохо работает! Здорово! А план выполняем. А за качество хвалят. Это как понимать? Что бригада скажет?

Г а л я. Бригада ничего не поняла!

Б а б у ш к и н а. Поняла, поняла! Клевета!

В е р а. Забродин вредит бригаде!..

Б а б у ш к и н а. И всех нас обвинять в плохой работе! *(Ивану.)* Протри глаза! Кто перед тобой? Энтузиасты! Герои! А ты, ты... Федя, послушай мнение бригады! *(Кивает на Степана.)*

В е р а *(потрясенная)*. Забродин вредит бригаде!

Ф е д я. Давай, Степан.

С т е п а н. Товарищи, с одной стороны, Иван, конечно, объяснил. С другой стороны, Забродин, конечно, тоже... Хотя главное не в этом же, товарищи!

Федя. Подожди. Ты что-то не по существу.

Степан. Не зажимай! Он прав! Нам дали конвейер, работать стало легче, а процент брака у нас прежний. Стыдно! А Забродину что! Он свою норму перекрывает, ему нашего брака на триста процентов хватает! И вот он — ферзь, а мы — пешки. Не желаю. Вот. А люди сидели, изобретали нам конвейеры... Стыдно! Ясно? Хорошо сказал.

Федя. Здорово выступил он у тебя, Бабушкина.

Бабушкина (*растерянно*). Степан!..

Федя. Значит, ты поддерживаешь Груздева, что люди в бригаде у нас плохо работают?

Степан. Иван выяснял, кто допускает брак, наблюдал за мной. Если я виноват, пусть на моем примере учатся. Скажи, что заметил, Иван?

Иван. Что ж сказать...

Федя. Ты оскорбил людей. Докажи свои слова.

Иван. Доказать вам? (*Оглядел всех*.) Бабушкина!

Бабушкина. Ты что?

Иван. Вот тебе механизм. Сделай свою операцию так, как выполняешь на конвейере.

Бабушкина. Это что, экзамен?

Иван. А ты поставь.

Степан. При чем тут она? Она по сто пятьдесят процентов...

Мальян. А ты сделай, пожалуйста.

Бабушкина (*решительно идет к столу*). Заметьте время. (*Садится, работает*.)

Федя (*Ивану*). Кроме нас, все бригады нашего цеха идут с перевыполнением. Мне стыдно перед начальником цеха, перед комитетом...

Бабушкина. Готово.

Алексей. Быстро она, молодчина.

Иван (*рассматривая механизм*). Так и есть, колесо погнуто.

Бабушкина. При чем тут колесо? Я не колесо ставила.

Мальян. Дай-ка сюда. (*Берет механизм, смотрит.*)

Федя. Ну, Груздев, что ты хочешь этим доказать?

Иван. Колесо ставит Степан. После него механизм идет к Бабушкиной. Она делает свою операцию и при этом портит колесо, сама того не замечая, не думая даже об этом колесике. Тем более, что зарплату за свое колесо Степан все равно получит.

Галя. А мы с вами собрания собирали, разговоры разговаривали, и главного не заметили!

Вера. Правда, нехорошо как. Будто обман.

Степан. Ой, сколько мне денег зря переплатили!.. Бабуля! Придется вычесть из твоей зарплаты.

Бабушкина (*Степану, уничтожающе*). Шут!

Федя (*кричит*). Постойте, постойте!.. Уже сбил бригаду с толку! Вот что значит один бузотер затесался в стадо!

Степан. Стадо?

Федя. Стадо! Для вас кто громче говорит, тот и прав! (*Ивану.*) Дефект поймал. Ну и что? Заметил, сказал. Укажем товарищам. Без брака сборки не бывает.

Иван. А я не хочу исправлять то, что другой портит. Это значит только поощрять плохое.

Федя. Слыхали? Плохое!

Вера. Я всегда старалась!

Бабушкина. Я порчу?! Одна?!

Степан. Надо любить критику!

} (*Все вместе.*)

А л е к с е й. Давайте про часы решать!..

И в а н. Часы!.. Да если хотите знать, я совсем не про часы... Я про жизнь говорю! Нельзя думать только о себе! Свое выправлять — чужое калечить!.. Человеку быть одному нельзя!

Пауза.

Ф е д я. Мы остались, чтоб разобрать твое дело. Прямо отвечай: будешь выполнять обязательство вместе с бригадой?

И в а н. По-старому — нет.

Ф е д я. По-старому, по-старому! А ты предлагаешь что-нибудь новое?

И в а н. По-настоящему бы надо... Ликвидировать должность выпускающего, вот самое правильное.

Ф е д я. Что?!

И в а н. Чтоб каждый сборщик отвечал и за свою работу и за весь механизм в целом.

Ф е д я. Бригада без Забродина! Без выпускающего! Без дефектов! Что это тебе — чулки или точный прибор?!

В е р а. Тогда нужно всю сборку перестроить!

Ф е д я. А где же нормы для этого? Расценки? Расчеты?

Г а л я. Правда, как же обеспечить, чтоб каждый работал без брака?

М а л ь я н. Ты знаешь, как именно сделать то, что предлагаешь, товарищ Груздев?

Молчание.

И в а н. Н-нет... Не знаю.

Ф е д я. Эх, ты, незнайка! Со школьной скамьи!..

Не зная производства!.. Всех учить! Ни с кем не считаться! Срывать бригаде план! Аветис Иванович! Я тебе его рекомендовал по просьбе Забродина. Извини. Ошибся. Извините, товарищи! Черт с моим самолюбием! Я — мастер, мне нужен план.

Степан. Ты еще и комсорг цеха, Федя.

Федя. Я комсорг после пяти часов вечера. А сейчас я — мастер.

Галля. Уже половина шестого.

Федя. Что? (*Взглянул на часы.*) Опять ты!.. Не остроумно! Аветис Иванович, пока на этом важнейшем участке Груздев, я за план отвечать не могу. С завтрашнего дня, Груздев, я перевожу тебя с этой работы. Место тебе на заводе найдется, ты человек грамотный... Все.

Иван. Увольняешь?

Федя. Увольняю. Вот наши дела, Аветис Иванович.

Галля (*умоляюще*). Аветис Иванович!

Мальян (*внимательно поглядел на Ивана*). Так. Значит, ходишь, выясняешь. А кто дал тебе право норму свою не выполнять? Хочешь, чтоб бригада без брака работала, — думай. Предлагай. А план давай! Святое дело план! А то скажите — доцент: сидит, изобретает, а план его не касается.

Федя. Вот-вот.

Мальян. Хочешь научить других — сам научись работать, как Забродин! Лучше! Вот что, останешься выпускающим и придумаешь, как бригаде без брака работать. Понял?

Степан. И все.

Вера. Слава богу!.. А то у нас чуть что — уволить!.. По-человечески нужно...

Федя. Аветис Иванович, ты что, отменяешь мое решение?

Мальян. Пусть поработает.

Федя. Отменяешь?

Мальян. Вот еще... Ну, отменяю.

Федя. Та-ак...

Мальян. И, кроме Забродина и Груздева, все по домам, пожалуйста! Нечего здесь сидеть.

Галя подходит к Мальяну.

Что вы, Галя?

Галя. Спасибо вам, Аветис Иванович...

Мальян. Пойдем, Федя! Сдавай смену.

Мальян и Федя идут в цех. Иван уходит за ними. Груня выносит ведро на площадку. Степан подходит к Бабушкиной.

Степан (*радно*). Подумай, Бабочка, как удачно, что Ваня подметил это колесо! И у меня появилась по этому поводу одна гениальная мысль.

Бабушкина молча одевается.

Ты что, Бабочка? Обиделась! Бабочка! Бабушка! Баба-ка! Эх, ты, баба-яга! Я же знал, что он тебя... Что ты меня... Да ты расмейся. Хочешь, станцюю тебе танец подхалима? (*Комикует.*) Пириям-бам-бам...

Бабушкина. Отстань! Оставь! Сама проживу! (*Почти рыдая, убегает.*)

Степан. Бабушка-а!.. (*Убегает за ней.*)

Алексей. Груня, посиди, посмотри, как мы с Иваном работаем. Тебе полезно поучиться.

Груня. Нет. Ты другу помогай. А я уж сама как-нибудь... Вера!..

Вера. Что тебе?

Груня (*обнимает Веру*). Пойдем со мной на каток. Что ты все сторонишься меня?..

Вера. Не пойду с тобой. У меня здесь дела.

Груня (*с сожалением*). Не хочешь. Одна пойду.

Галя. Я с тобой, Груня! (*Берет ее под руку.*) Ох, сегодня на льду я всех обставлю!..

Груня и Галя уходят.

Алексей (*Вере*). А ты почему домой не уходишь?

Вера. Негодяй! Изменщик. Водонос. Поломойка. В кухарки к ней иди.

Алексей. Будет. Не до этого мне.

Вера. Мало тебе Груздев всыпал, больше надо было. Ходит в бригаде, как бог, как святой... (*С отчаянием.*) Что молчишь?

Алексей. Понимаешь... Голова другим занята. Ваня тут по неопытности наговорил всякой чепухи, ему надо помочь разобраться... Ну, что ты так на меня смотришь? Понимаешь, и вообще... Ты не думай, я к тебе не переменялся. Я тебя уважаю. Ни с кем у меня ничего нет. Но... Забыла бы ты меня лучше, честное слово! Ну что, если я себя не могу переделать! А, Вера?

Вера, не отвечая, снимает халат и уходит. Из цеха выходят Федя и Мальян.

Федя (*Алексю*). Что это Вера у тебя все время плачет?

Алексей. Да нет, так... А! Жалею я их. (*Уходит в цех.*)

Федя. Аветис Иванович, так я не могу.

Мальян молча выжидает.

Не понимаешь? Я должен знать, кто отвечает за бригаду — ты или я. Я не боюсь ответственности, я хочу ее! Но я хочу свободы. А ты приходишь и отменяешь мои распоряжения. Не могу так работать. *(Вопросительно смотрит на Мальяна.)*

Мальян. Продолжай, Федя.

Федя. Но ведь нужен план! Ты сам меня так учил. Ведь все, что делаю, — ради плана. Мне план этот снится стал. Как будто хочу втиснуться куда-то и не могу. Дурацкий сон. Жена ругаться стала: «Что тебе, в конце концов, этот план?» А откуда я знаю, что он мне! Когда он у меня вот тут сидит! *(Стучит себе в грудь.)*

Мальян *(медленно)*. И снял Груздева! А ведь он дело говорил. До сих пор мы с тобой на кого по-настоящему рассчитывали? На одном Забродине качество держалось.

Федя. Да, мы с тобой растили передовика Забродина, поднимали на щит, поощряли — мы его вырастили. Да, я горжусь Забродиным. Что ж, это было неверно?

Мальян. Это-то было верно... Ты понимаешь, что такое выступление Груздева? *(Задумчиво.)* Не могут люди жить в одиночку!.. Не желают!

Федя. Ты мне скажи, ты со мной как член партбюро разговариваешь или просто как товарищ?

Мальян. Я не могу, как ты: до пяти — мастер, после пяти — комсорг. Я... сплошной.

Федя. Ты хочешь, чтоб мы вместо рабочих какими-то воспитателями стали.

М а л ь я н. Не вместо, а вместе с работой. И, может быть, это самое важное... А как ты думаешь, что правильнее: вести за собой, как детей, и за вас все решать, или пустить самих плыть, ошибаться, разбивать себе носы?

Ф е д я. Я думаю, что именно Забродин сейчас обеспечивает нам государственный план!

М а л ь я н. Что ж, это очень плохо.

Ф е д я. Не понимаю тебя, Аветис Иванович.

М а л ь я н *(вздыхнув)*. Вижу.

Ф е д я. Аветис Иванович! Ты знаешь, я не хвалюсь ни тем, что мастер, ни умом особенным, но у меня есть дорога в жизни — это план. Установка! Ты сам учил меня этому. И с этой дороги не сверну, хоть бы отец родной поперек стал, не то что Груздев. *(Пауза.)* Я пойду. Мне в комитет... *(Не оглянувшись, уходит.)*

М а л ь я н. Груздев!

И в а н подходит к Мальяну.

(Медленно, думая о другом.) Вот что хотел я тебе сказать... Часы, часы... Вихры, вихры причесывай — девушки смеяться станут. Что смотришь, как встрепанный воробей, будто я драться собираюсь? С матерью живешь?

И в а н. С матерью.

М а л ь я н. Завтра вечером что делаешь? Ничего не делаешь. Приходи ко мне домой, поговорим о твоём предложении. Расчетов будет много — помогу. А у Забродина учись. Понял? Мастерству учись. *(Уходит.)*

Входит А л е к с е й.

Алексей. Ваня, я нарочно не хотел говорить при всех. Может, тебя кто-нибудь настроил против меня?

Иван. Нет, Леша.

Алексей. Значит, тебя в студентах испортили. Захотел, не зная дела, на одной критике в лауреаты выйти. Хорошо, что Мальян оставил тебя. Научись. Я помогу.

Иван. Ну... Покажи, как работаешь.

Идут к столу.

Алексей. Смотри. Рабочий человек работу уважает, а не слова. Вот беру часы. *(Слушает механизм.)* Что здесь? Баланс не в порядке. *(Слушает другой.)* Здесь? Волосок звенит. *(Слушает третий.)* Ну, тут просто пыль... Вот как нужно слышать механизм. Что, может твоя бригада так работать без меня? Или без Куренкова? Неправ ты, Ваня, в корне! Часы должен выпускать один человек, самый способный. Искусство! Я должен пройти по часам с начала до конца. Своими руками. Один. Молчишь? Не согласен?

Иван. Нет. Ты знаешь, что я думаю... Леша, а ведь можно выучиться твоим приемам. А? Обучить каждого всем операциям... Лешка! Тогда каждый сможет контролировать товарища... Понимаешь? Чтоб предупреждать брак... Выпускающим станет каждый! Техшколу организовать. Идея, Леша? *(Вынимает блокнот.)* Спрашивать буду — объясняй.

Алексей. Техшколу! Да ты сам учишь!

Иван. Дело не во мне, Леша. Я ведь о всей бригаде говорил.

Алексей. Брось! Каждый сам за себя отвечает.

Иван. Неправда! Вот Степан же сегодня...

А л е к с е й. Что — Степан! *(С презрением.)* Степан стихи сочиняет, он что угодно сболтнуть может. Вот тебе — собрание прошло. Неужели не видишь, — каждый о себе старался! Вера только и мечтает, чтоб все разошлись, — со мной поругаться. Галка ищет, где бы сострить, повеселиться. Степан перед Бабушкиной пляшет. Бабушкина спит и видит, как меня догоняет, чтобы на красную доску попасть...

И в а н. Это только кажется, будто каждый лишь о себе думает. Видишь, что человек хорошо поступил, по-товарищески, и по привычке начинаешь искать, какая у него здесь была выгода. А ему — никакой выгоды... Просто он уже не может иначе. Жизнь заставляет. Ведь мы живем все вместе, неразрывно. Как одно товарищество. И отношения у нас... человеческие! Конечно, бывает, их не сразу заметишь... Поэтому, Леша, первым делом — коллектив!

А л е к с е й *(перебивает)*. Коллектив, коллектив! Заладил с первого дня... *(Помолчав.)* Ты что же, будешь разворачивать бучу, которую затеял сегодня?

И в а н. Да, буду.

А л е к с е й. Против меня?

И в а н. При чем здесь ты?

А л е к с е й. Специальность мою — к черту? Как не было?

И в а н *(твердо)*. Да.

А л е к с е й *(резко отодвинулся, встал)*. Может, вообще выжить меня из цеха, с завода?

И в а н *(с укором)*. Леша!..

А л е к с е й. Молчи! Продал уже! Бригаду против меня настраиваешь! Хочешь, чтоб без меня обошлись? *(С бешенством.)* Я не теленок — дерусь за себя. Слышишь?

Иван (*встал против него*). Ну?

Алексей. Врешь! Не обойдутся. Всех обучить хочешь? Возьмись. Провали. Пробуй.

Иван. Обойдутся.

Алексей. Так. Быстро же кончилась твоя дружба, Иван! (*Садится к столу, работает.*)

Иван (*подсаживаясь*). С какого узла начинаешь?

Алексей (*показывает, не глядя на Ивана*). Вот, с баланса.

Иван. Ясно.

Работают.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната в одноэтажном деревянном доме Груздевых. Направо видна часть сени. В глубине: справа окно, слева дверь в комнату Груни. Впереди слева дверь во вторую половину дома. Обстановка: стол, несколько стульев, пианино, диван, над которым на стене висит гитара.

Вечер. В окно видны огни на реке и на противоположном берегу. В комнате горит настольная лампа. За столом Иван пишет, перед ним разложены детали часов, книги, тетради. Степан с листком бумаги в руке медленно расхаживает по комнате.

Степан. Загадочная ты личность, Ваня.

Иван молча поглядел на Степана.

Самолюбие в тебе?.. Или упрямство в характере?

Иван. Ты это к чему?

Степан. Да нет, так, вообще... А все же лучше бы нам завтра первую пробную сборку провести в цехе. Воскресенье. На заводе — никого.

Иван. Все узнают. Зачем? Не проверив себя, расхвастаем на весь завод! Ничего, два месяца зани-

мались каждый вечер здесь, и завтра соберемся. Составим столы... Рассядемся...

Степан. Оно конечно... Да, может, кой-кому на завод прийти легче будет, чем к тебе домой. Ведь завтра, можно сказать, экзамен. Шутка — доказать, что мы сами, без выпускающего можем давать часы без брака!.. Переворот! Революция!

Иван. Ты что весь вечер подъезжаешь с намеками? Говори прямо!

Степан (*вздыхнул*). Прямо... Бабушкина и Забродин с нами не занимались! Конечно, и ты и Груня их заменили... Но ведь у них опыт, быстрота! Особенно у Алексея. А завтра все должно быть как можно лучше... Тут, знаешь, самолюбие ни к чему!

Иван. Хватит! Кланяться к Алексею не пойду. Я ему объяснял, другие... Не хочет. Как же, он — бог бригады, и вдруг сядет вместе со всеми за конвейер, наравне!.. Обойдемся.

Работают. В комнату с улицы входит Груня.

Груня. Полуночники! Одиннадцатый час! (*Не раздеваясь, вошла в комнату, села на стул.*) Накурили...

Иван. Устала?

Груня. Ага. Отвыкла от напильника.

Степан. Что ты делаешь допоздна на заводе?

Груня беззвучно рассмеялась, покачала головой, ушла к себе в комнату, зажгла там свет.

Иван. Вот, не говорит. Кому-то что-то там выпиливает...

Степан. Секреты! Слушай, я видел, Забродин ей что-то чертил, шептались в цехе в перерыве.

И в а н. Не знаю. Не интересуюсь.

Г р у н я с полотенцем через плечо идет на кухню.

Г р у н я (*задержавшись у стола*). Ну, как у вас дела?

И в а н. На бумаге все готово. Завтра посмотрим, как на деле.

С т е п а н. Осталась ерунда: начать и кончить. Груня, организуй нам чай.

Г р у н я. Сами с руками. (*Рассматривает записки на столе.*)

С т е п а н. Слушай, квартирантка, когда-нибудь ты станешь взрослой, выйдешь замуж...

Г р у н я. Ну?

С т е п а н. Тебя муж будет бить за такие ответы.

Г р у н я. Ничего, я сдачи дам. (*Уходит на кухню.*)

С т е п а н. Хоть стакан чаю она у вас выпила за общим столом?

И в а н. Нет. Знаешь, Степа, она вот грубой кажется. (*Понижает голос.*) Она застенчивая ужасно — боится надоедливой быть. (*Хитро смеется.*) Скрытница!

С т е п а н (*внимательно посмотрел на Ивана*). Да, значит, не пойдешь за Алексеем?

И в а н. Нет.

С т е п а н. Досадно.

И в а н. Трусись?

С т е п а н. За него досадно, Ваня. Останется он в стороне.

Пауза. В дверь стучат. Иван отпирает, на пороге — М а л ь я н и Г а л я, закутанная в шарф.

М а л ь я н. Спят? Нет?

Иван. Ох, как закуталась!

Галя. Да нет, это не я... *(Снимает шарф.)* Это меня закутали!

Мальян. На реке ветрище!..

Галя *(отдает ему шарф)*. Возьмите. Спасибо. Я на минутку. Мимоходом... Нам по дороге, Аветис Иванович?

Мальян. По дороге. *(Неловко засовывает шарф в карман, идет в комнату.)* Душно! Почему законопатились? Настежь окна — апрель! *(Распахнул окно, сел на подоконник.)* Прямо с завкома.

Галя. Дома Груня?

Из кухни выходит Груня.

Груня. Входи, входи! *(Бежит в сени.)*

Галя *(снимая пальто)*. Столько нужно рассказать тебе!.. Мы сейчас уходим... Груня, когда же переедешь к нам? Я с мамой говорила, она рада. Приглашает. Сама говорила, тебе здесь неловко.

Груня. Спасибо. Нет, я раздумала. Нет. Уехать... обидеть их. Нет, Галя.

Галя. Ох, ты трусиха, оказывается! Ну, идем к тебе в комнату.

Идут через комнату.

Иван. Журнал принесла? Галя!

Галя. Принесла! Принесла! Сейчас!

Иван. Вечно она торопится.

Груня и Галя уходят в Грунину комнату.

Мальян *(проводит девушек взглядом)*. Разговоры.

Степан. Секреты. Они с Галей теперь целыми часами стрекочут. Интересно: обе совсем разные, а подружились.

Мальян. Удивительно разные! Груня ваша веселая, открытая. А Галя всегда грустит! Почему?

Степан и Иван переглянулись, рассмеялись.

Не понимаю.

Степан. Как раз наоборот, Аветис Иванович! Я еще никогда в жизни не видел Галю серьезной. Это просто сорока в юбке.

Мальян. Странно.

Степан. Вы — начальство, она при вас стесняется.

Мальян (*помолчав*). Начальство? Да... (*Оживился.*) Ну, хороший завком был — все охрипли! Досталось некоторым орлам на орехи. К тебе никто не приходил жаловаться?

Иван. Никто. А кому там попало?

Мальян. Не приходил?! Значит, вы действительно серьезно поругались, Груздев?

Иван. За что Забродина ругали?

Мальян. И что вы не поделили? (*Достает из кармана брошюру.*) Вот тебе нормативы и расценки. «За что Забродина ругали?» А ты пойдешь к нему и спроси.

Степан. Вот-вот, я тоже...

Иван. Не буду ему нянькой!

Мальян (*соскочил с подоконника*). Не хочешь? (*Зашагал по комнате.*) Легко ему от своей профессии отказываться? Понимай! Обиделся на него! Игрушки? Все нужно в сторону! Думаешь, предложил новый метод — и твое дело кончено? Организовать обязан! Агитировать. Убедить. Пойдешь к Забродину?

И в а н. Нет.

М а л ь я н. У него неприятность. Большая. Ты ему нужен. А в чем дружба: пиво вместе пить?

И в а н. Не могу я, Аветис Иванович!

М а л ь я н (*Степану*). Послушай, может, у них что-нибудь другое? (*Шутливо.*) Может, Груздев кого-нибудь ревнует к Забродину?

Степан неопределенно мычит.

И в а н (*возмущенно*). Аветис Иванович!

М а л ь я н (*схватил Ивана за плечи, повернул к себе*). Ах, мальчишки! Может, напрасно приревновал. Ты у нее спроси. Говорил с ней? Нет. Молчишь. Я тебя знаю: вслух — одно слово, остальное — про себя. Кто обязан понимать, что думаешь?

И в а н. Я никогда, никогда...

М а л ь я н. Брось! Все это я знаю — сам под окнами ходил! Ты выбери минутку, поговори! Удивительно мы живем — на ходу! Работают-работают вместе два человека, совещаются, спорят, даже ругаются... Потом, предположим, возвращаются с одного обыкновенного совещания, как и раньше сто раз было, промолвят по две чепуховые фразы черт знает о чем. И вдруг оказывается, именно в этот момент они друг другу открылись, вся жизнь их, может, решила — и уже не могут друг без друга... А?..

В окно порывисто задувает ветер, валит цветы.

Ворвался-таки! Вот задувает!

Вбегает Ольга Тимофеевна, бросается к окну. На пороге Груниной комнаты — Г а л я.

Ольга Тимофеевна. Цветы держите! Побьются! Здравствуйте, товарищ Мальян. Крючки накиньте.

Все столпились у окна, закрепляют рамы, поднимают цветы.

Мальян. Небо заволокло. Гроза будет — вон сверкнуло.

Степан. Теперь берега затопит.

Ольга Тимофеевна. Вода уж поднялась под самый мост. Половодье.

Отдаленный гром.

Мальян (*перекрикивая гром*). Мой дедушка невесту украл! Потом сорок лет за ней с кинжалом бежал — ревновал! (*Ивану.*) Тебе это нравится? Я должен знать: тебе это нравится? А?

Ольга Тимофеевна. Про что вы?

Порыв ветра.

Галя. Разве можно без этого? Не ревновать, не завидовать, не мучиться?

Все обернулись к Гале.

(*Смутившись.*) Вы идете, Аветис Иванович? (*Бросилась в сени.*) Нам по дороге...

Иван. А журнал, Галя! Ты переведи, я же не пойму.

Галя (*совсем смешалась*). Так я... Аветис Иванович... Уже время...

Мальян. Ничего, Галя, я не в обиде, я один дойду...

Галя (*в отчаянии*). Мне остаться?..

Мальян (*Гале*). Вы спрашиваете, можно ли без этого? Без ревности, зависти, самолюбия?.. (*Обнял*

Степана и Ивана.) Можно, если делать в жизни главное. Не просто собирать часы, строить заводы. Через все это строить душу человеческую! Человека растить!

Степан (внезапно). Вот я — про себя! Вель я же догадывался, что Бабушкина колесо гнет. Молчал! Мысли эти от себя гнал. Трус! Тряпка! Молчал! Нет, раз любишь, беспощаднее надо!..

Мальян. Вот именно!

Гром.

Ольга Тимофеевна. Господи, ничего не разберу. О чем вы говорите? Галя, ты уходишь?

Галя. Остаюсь, остаюсь! (*Завертелась, убежала к Груне.*)

Молчание.

Мальян. Так вот, Иван: если ты сказал правду и нет в тебе дряни, — а я верю тебе! — ты сделаешь то, что полезнее для завода! (*Собирается.*) До свиданья. У-у, туча! Дойти бы сухим. (*Идет к выходу.*)

Ольга Тимофеевна (проводя Мальяна). Как сын теперь работает? Все ругаете?

Мальян (остановился в сенях). Понемногу поругиваю.

Ольга Тимофеевна. Зачем же понемногу, если за дело?..

Мальян. А тебе сына не жалко?

Ольга Тимофеевна. Жалостью не накормишь и не вылечишь.

Мальян. А мне жалко. Стар становлюсь, Груздева.

Ольга Тимофеевна. Да неужто? Не заметила.

Мальян. А я заметил. Не так откровенны со мной, как раньше. *(С горечью.)* Стесняются при мне!

Ольга Тимофеевна. Да вам сколько лет-то?

Мальян. На днях тридцать восемь ударило.

Ольга Тимофеевна. О! Еще небось женитесь.

Мальян. Личная жизнь для меня кончилась десять лет назад. Когда погибли жена и сын. Какое право имею я связывать с собой чужую молодую жизнь?! Посуди...

Ольга Тимофеевна. А любовь ни у кого права не спрашивает. Любовь зла — полюбишь и козла.

Мальян. Спасибо, утешила.

Ольга Тимофеевна. На присказку не обижайтесь. Так вы, старый человек, уж приходите завтра пораньше. Как я одна тут с ними-то?

Мальян. Хорошо. *(Внезапно бурно.)* А, спасибо тебе, Груздева! *(Жмет ей обе руки, кричит в комнату.)* До утра, ребята! *(Уходит.)*

Ольга Тимофеевна провожает Мальяна. Из Груниной комнаты выходит Галя со свертком в руке; подбегает к окну, всматривается в ночную темень.

Галя. Ветер такой — лететь можно!

Степан. На то ты Галка, чтобы летать. Пошел охотник в лес, на сосну залез, взял он в руки палку и подстрелил он галку. Это я в детстве сочинил.

Галя *(с состраданием)*. Бедненький, с тех пор ты совсем не поумнел!

Степан. Ехидина.

Галя *(раскрывает журнал)*. Мне в технической библиотеке на один день дали. Вот на третьей странице статья о сборочном цехе швейцарского завода.

Иван. Есть там что-нибудь новое, в Швейцарии?

Г а л я. Все то же. (*Невнятно читает вслух по-французски.*) Трудный оборот. В одном месте даже написано, что выпускающий — это опора для промышленника, что он должен быть аристократом в цехе... Вот бы...

И в а н. Я иду за Алексеем. Степа! И ты должен совершить подвиг.

С т е п а н. На Марс!

И в а н. Пойти сейчас к Бабушкиной и привести ее сюда.

С т е п а н. Вот тебе тиски — стукни меня ими по голове и сообщи маме. Не могу.

И в а н. Ведь правда, замечательно будет, если мы начнем сразу всей бригадой, без исключения. Ты же только что сам мне говорил...

С т е п а н. Я — другое дело. Она мне плюнула в лицо.

Г а л я. По-настоящему?

С т е п а н. Да! Нет. Почти что. У меня есть гордость.

Г а л я. Ваня, я по дороге домой могу заглянуть к ней, передать. Все равно мимо идти.

С т е п а н. Вечно ты со своими услугами!.. Сам пойду. (*Торопливо одевается, бормочет.*) Только ради дела... Сам себя в грязь... Два месяца не разговаривали с ней... Через полчаса она будет здесь.

И в а н. Может, все же Галя сходит за ней?

С т е п а н. Через десять минут! (*Исчезает.*)

Иван и Галя переглянулись, рассмеялись.

И в а н. Без него сегодня пропал бы. Весь вечер гоняет. Еще к Вере нужно за чертежами!.. (*Одевается.*)

Входит Ольга Тимофеевна.

Ольга Тимофеевна. Чаю попьете?

Галя. Нет, спасибо, я дома.

Ольга Тимофеевна (*кивая на дверь Груниной комнаты*). А эта будет пить?

Иван. Спросите.

Ольга Тимофеевна. Сниму чайник, и все. Захочет — поставит. (*Прикрывает дверь за Степаном. Гале.*) Сама, небось, дома хозяйничаешь? На глазах выросла... (*Вздыхнула.*) Кому счастье принесешь?..

Галя (*отложила журнал, вскочила, завертелась по комнате*). Тетя Оля! Тетя Оля! Я никому не принесу счастья, никому! Не будем терять времени. Еще нужна Вера с чертежами, я ее сейчас приведу.

Ольга Тимофеевна. Ну чем вы с Ванюшей не пара! (*Смеется.*) Хоть бы влюбились, что ли, друг в друга!

Галя. Не судьба, тетя Оля!

Иван. Зато мы с ней словно брат и сестра. Это лучше, вернее. А, Галя?

Галя (*комически вздохнула*). Да, спокойнее.

Иван и Галя уходят.

Ольга Тимофеевна (*махнув рукой*). Все не по-моему! (*Уходит к себе в комнату.*)

Сцена некоторое время пуста. Раздается легкий стук в дверь, после чего дверь отворяется и с улицы в сени входит Алексей. Он проходит в комнату, осматривается и осторожно стучит к Груне.

Груня (*из своей комнаты*). Что такое?

Алексей. Груня! Выйдешь на минутку?

Груня. Ты что так поздно?

Алексей. Мне нужно к Ване... А он ушел.

Грун я. Оң дома был.

Алексей. Ушел он, ушел! (*Заглянул в дверь налево.*) И Ольга Тимофеевна уже спит.

Грун я. Да я не одета...

Алексей. Выйди, Груня!

Грун я выходит из своей комнаты, кутаясь в пальто.

Грун я. Ну, что тебе?

Алексей. Ополчились против меня... Мальян! Обидел он меня сегодня, Груня! Насквозь! Два месяца тому назад я спас бригаду — семьдесят пять штук часов за ночь сделал. Все на отлично. Сегодня их, как орешки, с центральной испытательной выпустили. Показатели должны были бригаде записать. Мальян встал и перед всем заводским комитетом сказал: «Забродин поставил личный рекорд, да еще в сверхурочное время. К бригаде это никакого отношения не имеет. Прошу пересмотреть решение о присуждении бригаде второго места». И все. Член партбюро. Поддержали. За что? Я всей душой, а мне по морде! Что я, для себя работаю? Частник я? Обидели меня, Груня!

Грун я. Зачем ты пришел это рассказывать?

Алексей. А ты не смейся. Ты пойми! Я ни с кем про это не говорил. А с тобой... Приказал себе: иди расскажи ей. Думаешь, легко было прийти?

Грун я. Погоди, Ольга Тимофеевна спит.

Алексей. Пусть отдохнет старушка, наработалась...

Грун я. Кричишь очень.

Алексей. Зайдем к тебе в комнату.

Грун я. Зайдем... Нет. В сени. Там поговорим.

Алексей послушно идет в сени, Груня --- за ним.

А л е к с е й. С того дня, когда мы выпускали эти самые часы... Ты помнишь, что еще в тот день случилось?

Г р у н я. Помню.

А л е к с е й. С того дня я все думаю про тебя... Ты почему меня не уважаешь? За грубость?

Г р у н я. Да.

А л е к с е й. А теперь, когда меня... с этими часами... опозорили... совсем уважать меня не захочешь? И не надо! Я пришел тебе сказать: меня этим не возьмешь! Понятно? Так и передай всем. Я в три раза больше могу. И сделаю. Можешь записать.

Г р у н я. Ты на собрании бери обязательство.

А л е к с е й. Что ты понимаешь! Может, мне такое обязательство, сейчас, с тобой, в тысячу раз важнее!

Г р у н я (*села на сундук*). Уходи.

А л е к с е й (*не двигаясь*). Ухожу. (*Горячо.*) Я все сделаю, что ты скажешь. Говоришь уйти—ухожу. Грубого слова от меня не услышишь. Почему смеешься, Грунья?!

Г р у н я. Тише.

Оба молча смотрят друг на друга.

Я хочу, чтобы ты стал человеком, Алеша. Чтоб ты умом жил. Ты читал...

А л е к с е й. Ничего я не читал!

Г р у н я. погоди. У Шекспира есть слова: «Будь человек не раб страстей, и я замкну его в середине сердца, в самом сердце сердца!»

А л е к с е й. Грунька!.. (*Сдерживая себя.*) Хочешь, Аграфеной буду звать? Я боюсь к тебе подойти, боюсь!.. Не знаю, вдруг прогонишь меня! Ты почему сидишь там в углу? Я с тобой ничего заранее не знаю, не понимаю...

Ты увидишь, какой я буду. Я себя сломаю. У меня ни одной мысли поганой в голове не останется!.. (Глухо.) Ты мне скажи: целовалась ты с ним или нет?

Груня (встала). Спокойной ночи.

Алексей (быстро). Мне только узнать — и все. И успокоюсь. Лучше точно знать, а то воображаешь и мучаешься.

Груня. Ничего ты не понял!

Алексей. Живешь у него в доме!.. У тебя на двери и замка нет, Груня!

Груня. Разглядел!

Алексей. Ну, я ничего не буду спрашивать. Молчать буду!

Груня идет к себе.

Груня! Постой! Вот... Федя велел передать: с понедельника переводит тебя из учениц в рабочие!

Груня (остановилась). И только сейчас сказал об этом!

Алексей (подбегая к ней). Ваня лучше. Любишь его? Любишь! Все равно не отдам тебя! Сама поймешь! Нужна же ты мне! Ты не бойся, я не силой, я душой возьму, жизнью возьму!.. (Убегает.)

Груня закрывает за Алексеем дверь, идет к себе. Слева навстречу к ней — Ольга Тимофеевна.

Ольга Тимофеевна. А ну, постой.

Груня. Стою.

Ольга Тимофеевна. Наговорились? Он к Ване приходил?

Груня. Он ко мне приходил.

Ольга Тимофеевна. Объясни-ка мне: долго ты будешь между двумя метаться?

Грун я (*обессиленная*). Все пристают. Всем отвечаю. Я сама ничего не знаю...

Ольга Тимофеевна. Знаешь! Ты мне ничего не говори. Ты Ване... Я не знаю, любишь его или нет. Иногда бывает: поженятся люди, а только потом полюбят один другого по-настоящему...

Грун я. Я так не могу!

Ольга Тимофеевна. Я тоже по любви пошла. Мы с мужем нищими были. Он учеником на этом заводе начинал, я — в городе на ткацкой фабрике. Все нас отговаривали, а мы поженились. По любви правильнее, конечно. Если любишь его, выходи. Я тебе... рада буду. А если не любишь... прямо скажи. Сразу. Я знаю, ты ему дорожке матери стала. Под твоей дверью сидит, занимается. А ты не жалея и не мучай.

Грун я. Да, ему нельзя мешать...

Ольга Тимофеевна. Ты гордая, ни разу ко мне за советом не пришла!

Грун я. Да не привыкла я совета искать!.. Ведь я родителей почти не знала! Помню только, отец все ездил куда-то подолгу, мы с матерью ждали его... На все звонки к двери бегали... Дом бомбой развалило, ничего не осталось!..

Ольга Тимофеевна. Вижу, жить вы с ним могли бы хорошо. Поговори с ним, Грушенька.

Входит Иван.

Иван. Степана еще нет?

Ольга Тимофеевна. Нет. (*Поглядев на Груню и Ивана.*) Чайник, верно, долить нужно. (*Уходит.*)

Иван. Сейчас наши придут. Груня, ты выйдешь к нам? (*Собирает записи.*) Нужно перед завтрашним днем еще раз проверить, договориться.

Грун я. Сейчас, оденусь. (*В нерешительности задержалась.*)

Иван. Досадно, что Алексея не застал! Ты что? Хочешь мне что-нибудь сказать?

Грун я. Да.

Иван. Груша!

Грун я. Нет! После! (*Уходит.*)

Иван собирается сесть за работу. Стук в дверь.

Иван. Войдите!

Стук повторяется.

Отперто! Входите!

Стучат в третий раз. Иван открывает дверь.

Входит Степан.

Почему не входил? Отперто же.

Степан. Ваня, я — культурный человек, я не могу сам, без стука.

Иван. Ну, где Бабушкина?

Степан. Ваня, получилось крупное недоразумение.

Иван. Она не придет?

Степан. Понимаешь...

Иван. Входи. Садись.

Оба входят в комнату.

Степан. Ух, ты славный, сесть предлагаешь.

Иван. Ты с ней говорил?

Степан. Я с ней говорил.

Иван. Она что?

Степан. А она со мной не говорила.

Иван. Как так?

Степан. Ночь. Ветер. На реке пароход гудит. Я иду. Домик ее. В окне свет. Она. Сидит и вяжет. Вяжет! Понимаешь? Никогда с ней такого не было. Сердце у меня защемило; думаю, неспроста вяжет. Надо мне к окну. А на дворе темень. Хорошо, что знаю, где дырка в заборе, где под стенкой кусты, а то колючки у них адские, до костей дерут; обошел все, добрался до окна. Здравствуй, говорю. Подняла на меня глаза свои — не отвечает. Я ей тогда от себя, просьбу. Встала, повернулась спиной, ушла. Стучу в дверь. Есть у них сзади дверца такая. Слышу, подошла к двери и молчит. Тогда я, не ожидая, через дверь ей все выложил: что есть предложение по-новому работать, что сейчас у тебя обсуждать будем, а завтра первая проба. Все выслушала. Молча. И пошла. На диван легла. И молчит все! А! За что?!

Иван. Почему, думаешь, легла?

Степан. Пружины закрипели.

Иван. Значит, не придет... А оттуда ты куда?

Степан. Сюда.

Иван. Прямо?

Степан. А? Прямо...

Иван. Так долго, Степа?

Степан. Шел, шел, шел...

Иван. Ты выпил, Степа?

Степан. Ну, что ты! Мне градусы не нужны! Я трезвый веселее. А ты не унывай, Ваня! Ну, пускай она не придет! Без нее!.. Раз она на колесико мое плюет, значит и на меня, Ваня! Вот что обидно! Пусть я колесо ставлю. А ты уважай мое колесико! И меня. (Тихо.) Потому что у каждого человека есть на душе свое богатство. Верно? Только разгляди его. (Тихо говорит.)

Утром солнышко сияет,
Надрывается петух.
По дорожке над рекою
Я шагаю во весь дух.

Мне гудок гудит: «Здорово!»
В будке дверь стучит: «Входи!»
Цех шумит. В руке отвертка.
День работы впереди!

Иван. Твое?

Степан. Мое. Я для себя пишу, Ваня.

Иван. Что у тебя под ватником?

Степан. Чернила. Стихи писать.

Иван (*вытаскивает у него из-под ватника четвертинку*). Прямо сюда пошел?

Степан молчит.

Вылей.

Степан хочет выпить.

За окно!

Степан (*открывает окно, выливает*). Пускай земля будет пьяная, и кусты, и птички... Я буду трезвый...

Иван. Степа! Ты сорвешь нам завтрашнюю тренировку! Как ты мог? Забыть о бригаде и как свинья...

Степан. Душа изболелась, Ваня!..

Иван. Что бы у тебя ни случилось, пусть на душе тошно, пусть миллион кошек скребет,— только не водка, Степа! Чтоб ясная голова была всегда!..

Степан. Ясно, товарищ командир! (*Ставит бутылку на подоконник.*) Пусто. (*Бутылке.*) Больше тебя знать не желаю! (*Кричит в окно.*) Эге-ге-гей! Люди-и!..

Иван (*оттаскивает Степана от окна*). Тише. Люди спать ложатся.

Степан. Да как они могут спать, когда у нас та-

кое происходит! *(Тихо.)* Ваня, а когда мы будем по новому работать, она не сможет со мной ругаться?

И в а н. Нет.

С т е п а н. Она должна будет меня уважать? По работе?

И в а н. Непременно!

С т е п а н. Вот хорошо.

Входят Галя и Вера с рулонами бумаги в руках.

Галя *(громко и весело)*. Притащила!

И в а н *(бросается к Вере, берет рисунки)*. Готово? Давай, давай, посмотрим.

В е р а. Как сумела. Больше никого нет?

И в а н *(разворачивая рисунки)*. Бабушкина не придет. Алексея дома не застал.

Галя. Не случилось ли чего с ним? Он обещал к Вере зайти и тоже не был.

И в а н *(любуясь рисунками)*. Ничего, Вера, не пропадем! Верно? Справимся.

В е р а. Не пропадем, Ваня!

И в а н. Анкер ты сделала просто очень хорошо. Это мы развесим на стенах. *(Прикладывает рисунок механизма к стене.)*

С т е п а н *(проникновенно)*. Талант, Вера!

И в а н. Ты что дрожишь?

В е р а. Озябла. Чем согреете?

Галя. Чаем горячим. *(Идет на кухню.)*

В е р а. Чаем? Давайте отдыхать! А то завтра работать не сумеем. Больше ни слова о часах! Разве чаем согреешься? Плясать! Кто со мной? *(Распахивает дверь Груниной комнаты.)* А ну, выходи, выходи, Аграфена!

Входит Груня с раскрытой книгой.

Грун я. Что тут у вас происходит?

Степан. Молодец, Вера, вытащила улитку!

Иван (*смеясь*). Вера плясать задумала. Ты только посмотри на нее.

Вера (*отбирает у Груни книгу*). Читать умеешь, знаем. А ты спляши по-нашенски!

Грун я. Откуда же мне знать, как у вас пляшут?

Вера. А хочешь с нами жить!..

Грун я. Хочу.

Вера. Да есть у тебя душа?

Иван. Она вправду не умеет, ребята.

Грун я (*внезапно, с озорством*). А, ладно, есть у меня душа! Где наша не пропадала! Играй!

Вера. Как играть? (*Берет гитару.*)

Грун я. Не знаю. Все равно. Как-нибудь.

Вера рванула аккорд, заиграла «Светит месяц». Груня идет по кругу все быстрее и быстрее. Входит Галя с чаем, выглядывает

Ольга Тимофеевна.

Галя. Груня-то! Ой, родненькая!..

Степан. Ольга Тимофеевна, как она пляшет!

Ольга Тимофеевна. Это где же так умеют?

Грун я. Не знаю!..

Вера. Чудо! Я тоже хочу! Кто-нибудь... Гитару! Сыграйте! Галя, жизнь отдам, сыграй!

Галя подхватывает мелодию плясовой на пианино.

(*Взвизгнув, пускается в пляс.*) Груня, руку давай, руку!
(*Пляшет с Груней, поет частушки.*)

Степан. А ну, разойдись, братцы, терпежу нету!
(*Пошел вприсядку.*)

Ольга Тимофеевна. Что это с вами сегодня творится со всеми?

Степан. Кровь бушует! *(Остановился.)* Ох, братцы, поестъ дайте — под ложечкой сосет! Ужинать! У меня от душевных страданий аппетит повышается!

Пляска расстраивается.

Галя *(выкладывает на стол колбасу)*. Доедайте мамин ужин!

Степан. Делаю бутерброды! *(Режет колбасу.)*

О, царство кухни, кто не восхвалял
Твой синий чад над жарящимся мясом,
Твой легкий пар над супом золотым!..

Галя. Это что-то слишком хорошо!

Степан *(ест, угощает других)*. Это Багрицкий, змея! Берн, ешь.

Иван. Галя, помоги разложить чертежи по темам.

Галя с Иваном занялись у стола рисунками. Вера после танца оттащила Груню в сени, там они уселись на сундуке.

Груня *(отдуваясь)*. А я правда в первый раз пляшу.

Вера *(внезапно)*. Зачем тебе Алеша, Груня?

Груня. Что ты! Никто мне не нужен.

Вера. У тебя же Ваня есть. Ведь вы с ним муж и жена...

Груня. Нет. Я еще никогда не была замужем.

Вера. А, не могу я дипломатничать! Оставь Алешу, Грушенька! Ты вот можешь без него жить, читать, заниматься, а я не могу. Дышать не могу! Грушенька, когда он к тебе подходит, мне реветь хочется! Завтра

в бригаде самая работа начинается, а у меня руки опускаются.

Грун я. Неужели я так тебе мешаю, Вера?

В е р а. Он был здесь, заходил сегодня? У него какая-то неприятность... Я ждала его, весь вечер ждала... Заходил?

Грун я кивает головой.

(Грозит в воздух кулаком.) Я знала, знала!..

Грун я. Вера, ничего нет, ничего серьезного нет, уверяю тебя!

В е р а. А, что говоришь! Он когда смотрит на тебя, сам не свой, все видят! Груша, милая, сделай ты мое счастье: уходи в другой цех, работу тебе хорошую найдут... Или на другой завод... Или лучше знаешь, что сделаем... Как это мы с тобой раньше не додумались! *(Радостно.)* Тебе ведь все равно, только приехала, все еще здесь чужие... В Сибири новый часовой завод пускают, у нас добровольцев набирают. Уезжай туда! Грушенька! Ведь нехорошо, что из-за тебя другие страдают. А, уедешь?..

Грун я. Ты с ума сошла! Меня переводят на рабочее место, я подучилась, привыкла к людям, к месту... И только потому, что тебе кажется, будто Алеша ко мне...

В е р а. Грун я, неужели ты не видишь, что сама влюбилась в него?

Грун я. Неправда!..

В е р а *(в сильном волнении)*. Сейчас вот, сейчас так говоришь о нем, а когда на него смотришь, такие глаза у тебя — сердце мое переворачивается! *(В отчаянии.)* Ты любишь его, Грун я!

Грун я. А если бы это было так... *(Медленно.)* Тем

более, зачем же мне уезжать? Ведь это было бы несправедливо, Вера.

В е р а. Это было бы по-человечески!

Г р у н я. Кто может рассудить? (*Задумчиво.*) Нет, я не могу в него влюбиться. Не могу...

В е р а. Я в деревне никогда скучной не ходила! Груня! Ну, как сделать, чтоб он не закрывал от меня весь свет, чтобы не думать о нем!

Г р у н я. Не знаю. Никто не посоветует. До всего сама доходишь.

В е р а (*встала*). Да, правда.

В сени врывается Ф е д я.

Ф е д я. Девочки! Иван дома? (*Не слушая ответа, идет в комнату, кричит.*) Ваня! Ваня! Давай начистоту!

И в а н. Добрый вечер, Федя!

Ф е д я. В обиде ты на меня?

И в а н. Нет.

Ф е д я. А я говорю, в обиде.

И в а н. А я говорю, нет!

Ф е д я. А я говорю, да! Ты должен был обидеться! Тогда в цеху...

И в а н. Ты был прав тогда.

Ф е д я. Я был прав? Я? Я был последней шляпой, если хочешь знать!

И в а н. Нет, Федя, это я взялся учить других, когда сам еще ничего не знал! Это я...

Ф е д я. Ты критиковал правильно. А я в гонор! Не понял тебя! Я консерватор! Я не комсорг. В шею меня надо!

И в а н. Ты что это в самокритику ударился?

Ф е д я. А ты?

И в а н. Что случилось?

Ф е д я. Новая установка! Мальян выступил сегодня на завкомме... Сверхурочные категорически запрещаются! План рассчитывать на всю бригаду. Оказывается, на московском часовом заводе придумали какую-то новую организацию труда. А мы отстали! Спрашиваю Мальяна, что там придумали, а он говорит: «Вспомни выступление Груздева в цеху по поводу колеса». И рассказал про вашу самодеятельную школу.

С т е п а н. И про завтрашнюю пробу?!

Ф е д я. Какую пробу?

Все делают знаки Степану.

Г а л я (*невинно*). Да, какую пробу?

С т е п а н (*растерявшись*). Видишь ли... Завтра мы собираемся на... на рыбалку...

Ф е д я (*отмахнулся*). Ну тебя!

Г а л я. Степочка, ну-ка, сядь рядом со мной!

Степана оттаскивают в угол и что-то возмущенно шепчут в оба уха.

Ф е д я. Но как вы обеспечите, что все в бригаде будут работать без брака?

В е р а. Нам всем зарплата будет выплачиваться только за те часы, которые примет у нас контроль. Так мы решили.

Ф е д я. Что? Значит, если он плохо сделает свою операцию, ты не получишь денег за свою?

В е р а. Да, пока вся бригада не сдаст часы исправными целиком.

Г а л я. Мы решили, что будем отвечать друг за друга! Коллективная ответственность!

И в а н. Понимаешь, и это повысит личную ответ-

ственность каждого перед бригадой! (*Жестко.*) Мы не потерпим у себя лодырей и бракоделов!

Федя. Выгонять будете?

Иван. Воспитывать! И у нас не будет богов на сборке!

За окном раздается грохот.

Галля. Что там такое?

Степан (*выглядывает в окно*). По-моему, кто-то пробежал...

Вера. Мужчина?

Степан (*с восторгом*). Да, я так и знал! Так и знал!

Вера. Кто?

Степан. Не знаю. Никого. Показалось.

Галля. Степан, сядь. (*Усаживает его снова в угол.*)

Федя. Как же это у вас получится? Алеша с Иваном в ссоре. Бабушкина на всех дуется. Разброд.

Степан (*вырываясь из угла*). Да пустите вы меня! Разброд?! Ах, ты!.. Бабушкина завтра утром первая будет здесь на сборке, если хочешь знать!

Галля (*со стоном*). Все выболтал.

Молчание.

Федя (*озираясь*). А-а... Вот оно что... Рисунки, схемы... Ход сборки... (*Осененный.*) Завтра у вас пробная сборка без выпускающего! (*С восхищением.*) Ах, черти! С утра? Завтра я собираю сюда комсомольцев цеха, других сборочных...

Вера. Федя, Мальян просил...

Галля. Рано еще...

Федя. Что, замахнулись, теперь испугались? Нет, мы придем. Мы посмотрим. И если вы правы, после-

завтра поставим вопрос перед директором, и вперед! Груздевское движение на нашем заводе! Поддержим, ребята! Установку я сегодня получил. До утра! (*Уходит.*)

Иван. Федя! Стой!

Галля бросилась за ним, вернулась.

Галля. Убежал. (*Степану.*) Эх, ты, ворона!

Иван. Вот так так! Всыплет нам Мальян...

Степан. Кто же знал, что он сразу, как головой в воду?..

Груня. Но теперь отступать поздно! Он поднимет весь поселок.

Иван. Вот что, ребята,— уж раз коллективная ответственность, так во всем. Завтра с утра бригада должна собраться вся как один человек!

Вера. И Забродин?

Иван. Да, и Алексей. Ясно? Степан!

Степан. Ясно!

Иван. Только не проспите, товарищи!

Галля. Да-да, пора домой. Нужно хоть немного отдохнуть.

Заглядывает Ольга Тимофеевна.

Ольга Тимофеевна. Отшумелись?

Степан. Идем, Ольга Тимофеевна!.. Наша возьмет! (*Открывает дверь.*) Ого, первые капли дождя!

Все собираются.

Ничего! Нам не страшно промокнуть! Значит, в бой! В бой, братцы!

Все шумно прощаются, оживленно переговариваясь, уходят.
Остаются Ольга Тимофеевна, Иван и Груня.

И в а н. Чаю, мама! Выпьем втроем! *(Груне.)* Хорошо поговорили, верно?

О л ь г а Т им о ф е е в н а. Ох, дай-то бог!.. *(Уходит.)*

И в а н *(берет гитару, чтоб повесить на место, перебирает струны)*. Завтра, завтра... Знаешь, Мальяна боюсь: вдруг чего-то недодумали, испортим все дело... Или ребята не соберутся! Нет, ребята не подведут! *(Наигрывает на гитаре.)* В день, когда мы приехали, Вера пела эту песню. Помнишь, ты еще не хотела у нас поселиться! А вот как все обернулось, Груня! *(Наигрывает и говорит слова песни.)*

Гвоздики алые, багряно-пряные...

(Пауза.) Поженемся, Груня!

Груня молчит.

Никогда ты не приласкаешь... Неласковая ты. А когда я приходил поздно с работы, так хотелось, чтоб ты встретила... Или когда читаешь трудную книжку — голова скрипит, а в твоей комнате свет из-под двери. Что стоило тебе тогда выйти ко мне?..

Г р у н я. Мне иногда самой хотелось выйти... Знала, что ждешь. Не могла!

И в а н. Почему?

Г р у н я.словно внутри что-то удерживает.

И в а н. Груня!

Г р у н я. Не могла... А ведь я должна быть тебе благодарной. Ты помог мне сюда переехать. Устроиться на завод. Комнату дал. Кругом помог.

И в а н. Да здесь каждый помог бы. Разве я об этом думаю!

Грун я. С матерью из-за меня ругался. И никогда мне ничего не говорил. Терпенья в тебе много. Я б, может, и не стерпела.

Иван. Все это мне ничего. Только когда хотелось эти книги бросить и пойти к себе, а с места не двигался, я думал: будет же мне награда за эту мою работу!

Грун я. Значит, я обязана?

Иван. Ничего не обязана! От сердца, Грун я! Пойдем, скажем матери, она обрадуется...

Грун я. Ох, Ваня, подожди, я должна ответить тебе. Ведь вот смотрю на тебя: счастливая та, которой ты достанешься. Ничего плохого в тебе не знаю, ничего!..

Иван. Говори!..

Грун я. Я никогда не буду твоей женой. Никогда.

Иван (*отошел в сени, распахнул дверь, в комнату ворвался шум дождя*). Проливной...

Грун я. Ваня! (*Склонилась над столом.*) Ты мне к завтраму объясни кое-что... тут... (*Чуть не плачет.*)

Иван стремительно уходит, не закрыв дверь.

(*Обернулась, бросилась в сени.*) Ваня! Ваня!.. (*Остановилась.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Берег реки. Часть дома Груздевых с задним крыльцом и окнами, выходящими на обрыв. Ясное апрельское утро. Слышно, как по улице поселка с веселыми возгласами подходит к дому молодежь, как хлопает дверь, и голоса звучат уже в доме. К дому идет М а л ь я н; он заглядывает в окно, потом садится на скамью под окном, жмурится от солнца, улыбается, насвистывает. Далекий гудок парохода. Из дома выходит Г а л я, в руках у нее кадка с фикусом. Мальян поднимается ей навстречу.

Г а л я (*некоторое время молчит в смущении*). Вот мы Феде и проболтались.

М а л ь я н. Слышу... Собираются любопытные!

Смотрят друг на друга и смеются.

Да вы поставьте свое дерево.

Г а л я (*ставит фикус на землю*). Мешает там...

Снова оба смеются.

И обед у вас опять в кармане...

М а л ь я н. Как всегда. (*Помолчав.*) Я привык. Привык приходить в нетопленную комнату. Бриться холодной водой. Обедать на ходу. Мне это нравится...

Г а л я. И устраивать чужое счастье.

М а л ь я н. Чужое?.. Где Иван?

Г а л я. Его нет. Он придет сейчас...

М а л ь я н. Его нужно разыскать... Начинать скорее!..

Г а л я. Прогоняете меня. (*С тихим смехом.*) А я увидела вас в окошко, схватила этот дурацкий фикус и вышла... (*Быстро оглянувшись на дом.*) Сейчас хватятся меня... Я не понимаю, как вы ко мне относитесь. Иногда смеетесь надо мной. А иногда вы — как добрый друг. И я радуюсь. Знаю, вы думаете: что может быть общего — взрослый, солидный человек и девчонка!.. Неправда! Я вас так понимаю, так понимаю!.. (*Смеется.*) Почему мы смеемся?

М а л ь я н. Это просто утро такое сумасшедшее. Утро рождения. Все вы сегодня рождаетесь заново. И мне захотелось родиться. И я как ребенок!.. Но ведь вы же хотели уехать в Москву тогда, осенью, помните, значит...

Г а л я (*тихо, доверчиво*). Я так хотела тогда, чтобы вы меня никуда не отпускали...

М а л ь я н (*растерянно*). Пожалуйста, позовите... Груню.

Г а л я молча уходит в дом. Из дома выходит Груня.

Г р у н я. Вы рано пришли, Аветис Иванович! Нас проверить?

М а л ь я н. Нет. Я себя проверяю. Как настроение у ребят? Сегодня у каждого на душе должно быть ясно. Чтоб руки не дрожали. Понятно?

Грун я (*подсела к нему*). Понятно. Утро хорошее. И река ожила...

Молчание.

М а л ь я н. Вот тебе и личные дела!.. Трудно тебе?

Грун я. Трудно. Что мне делать, Аветис Иванович?

М а л ь я н. Когда я был совсем молодым, мне хотелось всех учить жизни. Я думал, это просто: диктовать и приказывать. Хотел, чтоб ученики моим умом жили. Помню, приходят ко мне советоваться парень и девушка — жениться собираются. Я им об учебе, об ответственности—в общем, рано, говорю, жениться. Ну, они благодарят за совет и прямо от меня бегут в загс расписываться. Бросил учить. Тоже оказалось неправильно, остался в стороне от молодых, одиноким остался. И молодым без совета трудно. Значит, нужно совместить: и направить молодежь и в то же время разум их не насиловать, чтоб своим умом всю лестницу жизни прошли. (*Тихо.*) Я сам это только что понял!

Грун я. Значит, нельзя уговаривать?

М а л ь я н. Вот! Слова — это, оказывается, мало. А ты поставь человека в такие обстоятельства, чтоб он должен был сам разобраться и подумать. Своим умом — это величайшее дело! А иначе воспитаешь фанатика и дурака!

Грун я. Аветис Иванович, в Сибири, говорят, скоро пускают новый часовой завод. Это верно?

М а л ь я н. Да, верно.

Грун я. Я слышала, собирают добровольцев разных специальностей ехать туда.

М а л ь я н. Первую группу провожаем послезавтра.

Груня. Я могу там пригодиться? Ведь я уже не ученица.

Мальян. Ты? *(Помолчав.)* Можешь.

Груня. Спасибо.

Мальян. А здесь?

Груня. Здесь я сейчас заменяю Бабушкину, но она придет.

Мальян. Вот ты какая... *(Неожиданно рассмеялся.)* И если я посоветую тебе: оставайся,— сейчас же побежишь за билетом? Нет, баста! Сама! *(Хитро улыбнулся.)* А отпустят тебя товарищи?

Из дома выходит Ольга Тимофеевна.

Ольга Тимофеевна. Доброе утро! Полон дом, Аветис Иванович. А ведь хотели в первый раз втихомолку.

Мальян. Да знал, что растрезвонят. Ну, пускай при свидетелях, тем лучше! Все приготовили? Детали? Чертежи? Рабочие места? *(Встал.)*

Груня. Все готово.

Ольга Тимофеевна. Весь дом перевернули.

Мальян. Разгром! Ураган! А, Груздева? *(Уходит в дом.)*

Ольга Тимофеевна. Что же, Иван так и не показывался?

Груня. Нет.

Ольга Тимофеевна. Вчера-то он ничего не сказывал, может, куда собирался?

Груня. Ничего не говорил.

Из дома выбегает Вера.

Вера. Аветис Иванович спрашивает, где Иван. Я сказала, он где-то здесь... Что делать?

Ольга Тимофеевна. Это подумать только: с вечера ушел и не возвращался. Просто ошалели все. *(Груня.)* Долго вы с Иваном вчера вечером разговаривали?

Груня *(сухо)*. Нет.

Ольга Тимофеевна. Ты что же, не понимаешь, что мне от тебя услышать нужно?

Груня молчит.

Да. У меня характер, и у тебя характер. *(Скрывается в доме.)*

Груня. Вера, сходи за Алексеем! Пусть он сам увидит положение... Может, помиритесь дорогой...

Входит Степан со свертком и банкой.

Степан. Рот фронт! *(В сторону дома.)* Уже? *(Складывает принесенное на крыльцо.)*

Груня. Мальян здесь. А она придет, Степа?

Степан *(вытягиваясь)*. Товарищ заместитель командира по политчасти, нет таких крепостей...

Груня. Степан, ты опять!..

Степан. Что — опять? В банке — формалин. А это солнышко меня разогрело. Промерз за ночь, а тут вдруг солнце! Гляди! Да не туда смотришь. Вон солнышко. Сюда движется. Замечаешь?

Груня. Вера, видишь, он привел ее.

Вера. Хорошо. Ждите. *(Уходит.)*

Груня. Степа, одолжи до получки пятьдесят рублей.

Степан. Завтра ж получка.

Груня. Мне нужно сегодня заплатить Груздевой за квартиру. Сейчас.

Степан. С квартплатой прижимают? Странно. Бери. *(Дает деньги.)*

Входит, прихрамывая, Бабушкина.

(Бросаясь к ней.) Нога! Что?

Бабушкина. Здравствуй, Груня.

Груня. Степан тебе, верно, рассказал...

Бабушкина. Я ни с кем не разговаривала.

Груня. Мы вчера рассказали Феде о нашем опыте...

Бабушкина. Все знаю, можешь не объяснять.

Груня. Откуда же, если никто тебе не...

Бабушкина. Знаю.

Груня. Иди в дом. Пусть видят, что ты пришла.

Бабушкина *(садится на скамью, вытягивает ногу)*. Вчера подвернула ногу. Всю ночь ныло, ломило...

Степан. Я виноват! Обязан был предвидеть, осел! Когда через дверь рассказывал, должен был предупредить, что здесь под окном яма!

Груня *(смеясь)*. Не сердись на него. А мы вчера вечером подумали, что под окном штукатурка обвалилась. Иди же!

Бабушкина. Нет, посижу на солнце. Не выспалась. Под утро, когда боль утихла, чей-то дурацкий петух, не переставая, орал под самым окном.

Степан. Боялся, что она проспит. Охрип даже. Она всегда очень долго спит.

Груня. Что ж ты не идешь?

Бабушкина. А примут меня? Я Мальяна боюсь. Он там?

Из дома появляется Мальян.

Мальян. Где же бригада? Саламасова! Я уйду.

Степан. Аветис Иванович, тут Бабушкина пришла!

Мальян. Объявите благодарность по радио!

Бабушкина. Видишь, Груня? (*Порывается уйти.*) Я сейчас...

Степан. Бабушкина! Аветис Иванович, она пришла работать!

Мальян (*благожелательно*). А, ну иди, иди. (*Отправляет ее в дом.*)

Степан. Не отвечает. Не замечает. Видит она меня? Слышит? Существою я? Аветис Иванович!

Входит Федя.

Федя, я здесь?

Федя (*сияя*). Здесь, здесь! Привет! С добрым утром, Аветис Иванович.

Мальян. Ты что же, все разнюхал и всем рассказал?

Федя (*радостно*). Всем, всем! Пришли?

Мальян. Повернуться негде! Но, понимаешь, Забродина нет.

Федя. Ну и что?

Мальян. Как это — что? Народ привык на него равняться. Ждут от него примера: согласится ли сестра за конвейер?

Федя. Да ты же сам когда-то говорил, что нечего на него равняться. Я все понял.

Мальян. Погоди, я говорил не о том, что он нам вообще не нужен.

Федя. Нет уж, это ты оставь. По-новому, так по-новому! С Забродиным все! Затерто начисто! Нам теперь эти способные, талантливые, гениальные — тьфу! Техшкола! Любого выучим. Посадим в бригаду — кол-

лективная ответственность, хочешь -- не хочешь, а лезь из кожи, работай, иначе всем выработку снизишь и бригада тебя выбросит! Теперь у меня главную роль любая, извини за выражение, бездарность сыграет. Я всю ночь не спал, думал об этом. Нет больше Федя, Забродина, Куренкова. Есть рабочее место. Да, сработался Федя — заменят другим. И пускай через двадцать лет никто и не помнит мою фамилию. Даже горжусь этим! Один помирает, другой становится на его место, а завод гудит, продукция идет!..

М а л ь я н. Ты думаешь, Забродину авторитет мы с тобой создавали? Его рабочие за работу уважали, за талант. И подражали. У каждого рабочего свое лицо есть. И ему нужно, чтобы его в лицо узнавали, по фамилии, имени, отчеству.

Ф е д я. Пережитки! Мы — фундамент для будущих поколений.

С т е п а н. На фундамент ребята не пойдут.

Ф е д я. Вот собралась комсомолия, дадим команду, и все! Заставим!

М а л ь я н. Что ж... Пойдем к комсомолии.

М а л ь я н и Ф е д я уходят в дом.
Возвращается В е р а.

В е р а. Его нет дома. Никто не знает, когда ушел и куда ушел... Мать его тоже волнуется... Что делать?

Г р у н я. Сейчас пришел Федя и такое здесь наговорил... Ждать больше нельзя. Степа!

С т е п а н. Опять поручение?

Г р у н я. На берегу есть место, где собираются ребята из поселка, против пристани...

С т е п а н. Знаю.

Г р у н я. Ваня говорил, что когда-то они с Алешей

туда часто забирались, чтоб поговорить... Если он там, расскажи, что здесь творится.

Степан. Передать, что ты зовешь?

Груня. От себя скажи.

Степан. Груня!

Груня. Он бригаде нужен, а не мне.

Степан. Сухарь ты! Коврижка! *(Спускается с обрыва.)*

Из дома выбегает Галля.

Галля. Ох, Груша, он сердится, что до сих пор бригада не собралась!

Груня. Ты что ж, не могла его заговорить?

Галля. Ой, Грунька! *(Ни с того ни с сего обнимает Груню, целует ее.)* Я его боюсь.

Мальян *(в доме)*. Саламасова, чертежи нужны!

Груня. Иду, Аветис Иванович! *(Уходит в дом.)*

Вера. Сил нет, Галка! Я крепилась. Надеюсь, он ко мне придет. Но вот сейчас заходила к нему. Всю ночь не был дома. Он с ней был!..

Входит Степан, через окно жестом вызывает Груню.

Степан. Груня!

Вера *(хватает банку)*. А, выпить этот формалин — и всему конец, сразу! Верно, Степка?

Степан *(оборачиваясь)*. Ты с ума сошла! Чем же мы тогда будем руки протирать? *(Отнимает банку. Снова машет Груне в окно.)* Груня!

Галля. Дура ты, Верка!

Вера. Хорошо со стороны рассуждать! Если б тебе пришлось так!

Галля *(тихо)*. А мне пришлось. Мне и сейчас при-

ходится. Сейчас! Такой день в бригаде... А у меня вся жизнь решается!..

В е р а (пораженная). Что ты?! (Помолчав.) Кто, Галя?

Г а л я. Человек, которого я не стою.

В е р а. Старше тебя?

Г а л я. Да. (Помолчав.) Кто я для него? Пустая, легкомысленная девчонка. (Внезапно разрыдалась.)

В е р а. Прости меня! Ничего я в жизни не понимаю! Как мне быть дальше? Замуж выйти? Варить мужу обед и штопать носки? Все одно не было бы мне с ним счастья, Галя... Я хуже тебя! Не плачь.

На крыльцо выходит Груня с чемоданом в руке.

С т е п а н. Ты что это с чемоданом?

Г р у н я. Мешал в комнате... Девочки, там Мальян рассказал ребятам о Ванином предложении. Ребята Федю критикуют, особенно Куренков. Прямо отчетно-перевыборное собрание. Федя кричит, что дело не в нашей сознательности, а в том, чтобы нас усадить правильно. А сознательности, говорит, от нас ждать еще сто лет нужно. Приказать, говорит, заставить по-новому работать, и все!

В е р а. Дураками нас всех считает! А, сейчас я с ним поговорю! (Идет в дом, останавливается, потом выхватывает у Степана банку, швыряет с обрыва.) Счастливо!..

С т е п а н. Это что такое?

В е р а. А ты не таскай яд в банке без надписи, чтоб какая-нибудь дура его вместо воды не выпила! Сто раз Мальян говорил. (Груне.) Пусти! (Отодвигает ее плечом с порога, решительно входит в дом.)

Г а л я. Не лопни от злости, Степочка! *(Убегает за Верой в дом.)*

С т е п а н *(разводит руками)*. Разве можно злиться на Веру?

Г р у н я. Нашел?

С т е п а н. Ваня с Алешей на берегу. Алеша молчит, Ваня ему доказывает что-то... Я позвал. Идут сюда.

Г р у н я *(заметалась)*. Степа, Степа!

С т е п а н. Чего ты маешься?

Г р у н я. Что мне делать? Что правильно, что нет? Вот, сама порчу свою жизнь.

С т е п а н. Совета просишь?

Г р у н я. Когда идет катер в город?

С т е п а н. Часа через три. Ты что задумала?

Г р у н я. Иди в дом, там помогай... Степа!

С т е п а н. Что?

Г р у н я *(пожимает ему руку)*. Когда все у вас получится, напиши мне.

С т е п а н. Кому писать? Куда? О чем?

Г р у н я. Молчи сейчас, пожалуйста, молчи! Скажи Мальяну, что Ваня с Алешей идут. И им обо мне скажешь... Вот записка бригаде. А этот ободок отдай Алексею. *(Передает записку и металлический ободок.)*

С т е п а н. А ты?

Г р у н я. Я — ладно, я хорошо... Я пока в город, в общежитие к девочкам. Иди! *(Вталкивает Степана в дом, берет чемодан, уходит.)*

От реки поднимаются Иван и Алексей.

А л е к с е й. Не тащи меня! Не пойду дальше! Все! Без меня обойдетесь.

И в а н. Алексей, бригада тебя ждет!

А л е к с е й. Ночь напролет уговариваешь меня, как

девушку!.. Все твои планы и расчеты я выслушал... Довольно!

Иван. Ты ничего толком не ответил.

Алексей. Я все понял. Ты меня в клетку сажаешь, чтоб я не мог выскочить за средние показатели! Да, выдвинуться хочу, да, впереди других!

Иван. Иди вперед! Но поднимай за собой всю бригаду!

Алексей. Ерунда, не верю! Все не могут работать одинаково.

Иван. Ты думаешь только о себе.

Алексей. А ты — о себе.

Иван. Неправда.

Алексей. Прямо говори: мешаю тебе! Хочешь унижить, чтоб незаметненьким стал! Мальяна уговорил. Знаю, зачем тебе это нужно!

Иван. Ты не думаешь так обо мне! Не можешь думать!

Алексей (*глядя Ивану прямо в глаза*). С тобой не могу работать. Понял? Уйду! Из бригады, из цеха уйду — для всех лучше! Прощай! (*Хочет уйти.*)

Иван. Нет, не уйдешь! (*Хватает его за руку.*)

Алексей. Гробишься? Думаешь, добил меня? Пусти!

Иван. Не пушу!

Алексей. Пусти, говорю!

Борются.

Иван. Леша, не доводи меня...

Алексей. Я тебя на завод устроил... Я тебя выучил... А ты меня в ответ — в грязь... Первым человеком был, уважали...

Иван. Замолчи! (*Крепко обхватывает Алексея,*

быстро и горячо говорит.) Леша, мы создаем такую форму работы, которая заставит человека избавиться от всякой дряни — эгоизма, зависти!.. И ты должен сделать мастером не одного себя или меня. Веру, Степана, Галю, Бабушкину!.. Бригаду! Всех!

А л е к с е й. А если я не могу!

И в а н. Должен. Ты теперь не за одного себя, за всех отвечаешь.

А л е к с е й. Да не хочу я за вас отвечать!

И в а н. Ты слушай: нет в нашей стране уголка такого, где бы ты мог в одиночку прожить. Я от тебя здесь не отстану, другие—езде, Леша! Вся сила у нас, чтоб вместе идти. А ты — один!

А л е к с е й (*обессиленный, садится на пень*). Ты, значит, хочешь сказать, что все было неправильно в моей жизни? Слава, работа... Все, к чему стремился?

И в а н. Ты остановился рано. На себе остановился.

А л е к с е й (*внимательно посмотрел на Ивана*). Умная Груня — тебя выбрала.

И в а н (*вздыхнув*). Ревнуешь ты ко мне Груню... А когда-то говорил, что никто между нами не встанет.

А л е к с е й. Говорил! Говорил! Говорить все можно... А ты попробуй, перебори это в себе.

И в а н. Она никогда не будет моей женой. Вчера, когда все ушли, она сказала.

А л е к с е й. Что ж ты молчишь!.. Этого не может быть! Несправедливо же так! Правду говоришь? Ох, дурная! Ваня, все-таки смелая она чертовски! Так прямо и сказала? А ведь, значит, поверила в меня, Ваня!..

Из дома выходит Степан.

С т е п а н (*очень взволнованно*). Что ж так долго? Нужно начинать сборку. Тебя одного не хватает.

Иван. Вы мои записки нашли?

Степан. Груня разыскала, отдала, все там наладила... и... Ваня... Братцы... Груня... Вдруг ко мне и...

Иван. Что?

Степан. Уехала. За нее там Бабушкина. А она... Вот. *(Показывает записку.)* Карандашом написано... *(Читает.)* «До свиданья, товарищи. Уезжаю в Сибирь, на новый завод, насовсем. Желаю успеха». Велела мне написать ей. *(Пауза.)* Да... Завидела вас и... вот. *(Показывает на реку.)* И тебе, Алеша, ободок какой-то передала. Возьми. *(Отдает ободок.)*

Пауза. Иван подходит к обрыву, смотрит на реку. Алексей сидит, опустив голову.

(Робко.) Там ждут.

Иван. Давно она ушла?

Степан. С полчаса.

Иван. Ты говорил, там спорят, а в доме тихо.

Степан. Аветис Иванович объясняет.

Алексей *(не поднимая головы)*. Она уехала, чтоб не мешать нам с тобой. Вот этот ободок я придумал для тебя. Она выпилила и вернула его мне. Понимаешь? Дескать, сам решай, что с ним делать. Она в миллиард раз лучше меня. *(Помолчав.)* Ваня, ты помнишь, что я сейчас говорил? Врал все. Выдумывал себе оправдания. Говорил об интересах страны—думал о себе. О соревновании говорил — думал о том, чтоб перед ней выделиться. И я остался один. Без нее и без тебя. Пусть едет, Ваня. Будем с тобой снова вместе. Пойдем к ребятам. И никогда ни слова о ней. Клянусь!

Иван. Алексей!.. Там собрались комсомольцы, сборщики. Они ждут твоего слова. Ты можешь сказать им так, как сейчас мне?

А л е к с е й (*твердо*). Могу. (*Подумав*.) Катер идет не скоро. Она еще на пристани.

И в а н. Да, она еще на пристани.

А л е к с е й. Я сяду за конвейер вместо тебя. Ты успеешь с ней проститься.

И в а н. Проститься...

А л е к с е й. Ведь навсегда, Ваня! Она приехала сюда с тобой, и нехорошо ей уезжать как чужой.

И в а н. Да, нехорошо. Не могу, Леша! Уйти сейчас...

А л е к с е й. Иди, Ваня. Ребята поймут. Здесь я делаю все — за себя и за тебя. Степан!

Степан и Алексей уходят в дом, там раздаются приветственные возгласы, оживленный разговор. Иван несколько мгновений прислушивается к происходящему в доме, потом медленно спускается с обрыва, слышно, как он напевает «Гвоздики алые».

Затемнение. Там же через три часа. Солнце уже низко и отражается в окнах дома. Громко звучит комсомольская песня — это комсомольцы расходятся с собрания от Груздевых.

Из дома выходит Федя.

Ф е д я (*постоял, осмотрелся, глубоко вздохнул*). Чертовщина какая-то... То нужен Забродин, то не нужен... То он опять здесь. А я все неправ... Ничего не понимаю!

М а л ь я н. Федя, а к вечеру посвежело, верно?

Ф е д я (*хмуро*). Саламасову вы отпустили?

М а л ь я н. Я. И Груздева долго нет... И все же сборка удалась, Федя! (*Обнял его за плечи*.) Молодцы они! Знают все операции. Контролируют друг друга! Забродин пришел! Бабушкина! Коллектив есть!.. (*Помолчав*.) О тебе... Федя, все, что ребята там сейчас о тебе говорили...

Федя. Что я плохой комсорг и нужно меня заметить? Когда у меня все мероприятия... Стенгазета регулярно... Кружки разные пели... Э, да что там!

Мальян. Вот ведь бывает, живет человек в этой спешке, не задумываясь, бежит через жизнь, слепой и глухой... А мы пропускаем мимо: беги—лишь бы план!.. И вот — беда. Для всех. Всю жизнь ты только выполнял установки. Чужим умом жил. Не своим!

Федя. Что же, я неправильно жил? Ни секунды для себя! Только завод! Дышал заводом! Домой приду — уснуть не могу, до трех ночи рассказываю, что на заводе было за день, всех перебуду. Если в цехе неприятность, есть не могу — в горле застрекает. Никуда от завода — ни в кино, ни в парк с женой. Вся личная жизнь — к черту. И это никому не нужно было?

Мальян. Пойдем в сад заводской.

Федя. Что?

Мальян. В сад. Воскресенье, в заводском парке гулянье. Вот придет Груздев. И ты с нами, Федор. Сегодня будем весь день вместе.

Федя. За всю мою работу, за всю мою жизнь!.. Нет, домой пойду. Жена и не ждет. Когда это я раньше двенадцати домой возвращался? Дождалась. Приду... И все ей расскажу. Знаешь, пять лет мы с ней по душам не говорили. Все некогда. И не нужно мне было. А вот теперь потянуло к ней... рассказать! Жена! *(Уходит.)*

Из дома выходит Бабушкина, затем — Степан.

Бабушкина. Федя пошел?

Мальян. Федя... Домой. Странное дело! Знаю его пять лет, а сегодня в первый раз подумал, что у него

есть жена, что он ей, может, песни пел, когда ухаживал... Покараульте здесь. Как появится Груздев, пусть в дом идет. (*Уходит в дом.*)

Степан. Теперь ты не имеешь никакого права меня саботировать! А ну, заговори! Коллективная ответственность! Слышишь? Ведь мы же с тобой теперь отвечаем друг за друга! В понедельник весь завод придет смотреть на нашу бригаду, и вдруг ты со мной в ссоре! (*Хватает ее за руку.*) А ну, давай говори сейчас же!

Бабушкина. А ты не будешь раздражать меня?

Степан. Зазвучала! Бабушка!.. (*Срывает галстук, начинает снимать с себя рубашку.*)

Бабушкина. Ты купаться собираешься?

Степан. И никогда в жизни я больше не запою, Бабочка!

Бабушкина (*нежно*). Степа!

Степан. Да, я буду носить серые галстуки, белые рубашки, молчать как рыба.

Бабушкина. Застегни ворот.

Степан застегивает ворот.

Дай, завяжу тебе галстук. (*Неумело завязывает ему галстук.*) Так?

Степан. Так.

Бабушкина (*вдруг неловко прижалась к нему спиной*). Друг мой единственный.

Степан. А ты говоришь, во мне ничего нет коммунистического! Бабочка!

Бабушкина. У меня есть имя. Имя...

Степан. Са-ша!..

Бабушкина страстно целует его

Сашенька!.. Я тебя каждое утро... будить буду... на работу... петухом кричать!..

Далекий протяжный гудок парохода. Из дома стремительно выходит Алексей.

Алексей. Катер пошел?

Степан. Да, в город.

В заводском саду заиграл оркестр.

Алексей. Танцуют. Степа, нужно нам с тобой насчет программы поговорить...

Степан. Завтра, Алексей! Сейчас я купаться хочу, нырять! *(Хлопает его по плечу.)* Не унывай, браток! Не в любви счастье!

Бабушкина. Степа, ледяная вода!

Степан. Она у меня закипит! *(Сбегает с обрыва.)*

Бабушкина *(бежит за ним, потом возвращается)*. Постереги, Алексей! Ваня придет — веди к Мальяну. *(Убегает.)*

Оркестр в саду играет веселую плясовую. С реки по обрыву поднимаются Груня и Иван с чемоданом.

Иван *(подводит Груню к Алексею, ставит чемодан на землю)*. Никому это не нужно, приносить такие жертвы, всю жизнь себе калечить. Ее место здесь, с бригадой, твое место здесь и мое. *(Помолчав.)* Как дела? В порядке?

Алексей молча кивает.

Аветис Иванович еще не ушел?

Из дома выходит Ольга Тимофеевна.

Ольга Тимофеевна. Пришел! Погоди, задаст тебе Мальян! Сам заварил кашу и удрал — другие рас-

хлебывай. Иди, иди в дом, ответ держать! (*Кивает на Алексея.*) Ему спасибо скажи: выручил.

Иван уходит в дом.

(*Груне.*) Что же ты... Раз уж так сложилось... Ох, бабы, бабы!.. Кого пожалеют, того и полюбят. (*Идя в дом.*) Эй, эй, куда расходитесь? А прибирать мне за вами? А ну, пол подмести! Го-то! (*Скрывается в доме.*)

Алексей (*тихо*). Скажи же мне что-нибудь хорошее, Груня...

Груня. Ты хвастун, ты грубый, некультурный...

Алексей. Грунька!

Груня. Что?

Алексей. Смотри не пропусти чего-нибудь.

Груня. Зазнайка, эгоист...

Алексей. Сердца у тебя нет!.. Ну, говори, говори еще...

Груня (*подходит к нему*). Могу теперь... всю жизнь могу с тобой!..

Алексей. Груня, до сих пор одного себя видел. Теперь с тобой... Я сделаю себя лучше. Ты меня только не щади. Ты показывай мне, где я плохой. Слушать буду... Вот только умнее ты, образованнее... В институт пойдешь. Уйдешь от меня... А я за тобой!..

Проходят разговаривая.

Из дома выходит Иван, смотрит вслед Груне и Алексею. Продолжая разговор, выходят из дома Мальян, Вера, Галя, за ними — Ольга Тимофеевна.

Вера. Учиться хочу, Аветис Иванович. Математике, географии... Всему! Что я в жизни понимаю? Я ведь как росла! Мать да соседки с малых лет мне в голову

вдалбливали: главное дело девушке замуж выйти. Ни о чем другом не думала. Нет. Учиться!.. А замуж.. я, может, вообще никогда не выйду. Так проживу. Верно? Живут же одинокие люди!..

М а л ь я н. Живут до поры до времени! (*Смотрит на Галю, смеется.*) А Степан вчера прав был—у Гали в глазах солнечные зайчики скачут! Ого, народ из поселка в парк двинулся. А мы? Все разбрелись! (*Зовет.*) Степан!.. Товарищи!..

Все собираются.

В парк!

С т е п а н. В парк!.. Обедать! Аветис Иванович угощает!

М а л ь я н (*с комическим ужасом*). Что-о?!

Общий смех.

Кормлю, кормлю обедом все семейство! Ну, Вера, бери меня под руку! Запевай песню! Ой, только не про гвоздики. Надоело. Настоящую! Ольга Тимофеевна, с нами!

О л ь г а Т и м о ф е е в н а. Сейчас. Платок накину.

И в а н. Мы с мамой догоним, Аветис Иванович!

О л ь г а Т и м о ф е е в н а уходит в дом. Иван подходит к окну, смотрит в комнату.

Вы скорее, мама!

Г р у н я (*Алексею*). Ты возьми чемодан, я по дороге к девочкам в общежитие занесу.

С т е п а н (*подходит к Ивану*). Ваня!.. Ваня!.. (*Тихо.*) Брось!.. Идем.

И в а н (*не оборачиваясь*). Иди. Я сейчас... С вами...

М а л ь я н. Значит, все в сборе! Есть песня?

В е р а. Есть! (*Запрокинув голову, негромко запе-
вает.*) «Над полями да над чистыми».

С песней все спускаются с обрыва. Иван в ожидании матери присаживается на скамье под окном. Слышно, как Стелан зовет его: «Ваня!.. Ванюша!.. Груздев!..»

О л ь г а Т и м о ф е е в н а (*в окне*). Ваня, я уж и кофту надену, праздник все же. (*Погладила сына по голове, поцеловала.*) Вырос! (*Скрылась в комнате.*)

И в а н. А вы меня не утешайте, мама. Вы собирайтесь скорее. С каждым может беда приключиться. Знаете, мама, без этого никогда не обойдется. Даже и при коммунизме, наверное. Долго вы, мама, нехорошо нам отдельно идти, они ведь ждут. Не будет на земле несчастных, забитых, угнетенных, голодных. А страдать люди будут. Ведь будут умирать родные, уходить любимые, будут неудачи в работе и ошибки. Скорее, мама. (*Не видит, что мать, нарядная, уже стоит на крыльце и молча смотрит на сына.*) И люди через все это будут идти. И будут становиться лучше. Вы знаете, я очень счастлив, что Алеша сегодня с нами. Мы все становимся ближе друг другу. Мы отвечаем друг за друга. Это — необходимость нашей жизни. И в этом наша надежда и сила. И моя. (*В задумчивости смотрит перед собой.*)

Песня звучит уже внизу, и ее заглушают мощные аккорды заводского оркестра.

З а н а в е с

Альберт Вениаминович Цессарский
«ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ»

Редактор *Т. А. Путинцева*
Оформление художника *Г. В. Храпака*
Художественный редактор *И. Д. Сталидзан*
Технический редактор *В. А. Волынцева*
Корректор *С. И. Габинова*

*

Сдано в набор 3/VI-54 г. Подп. к печ. 21/VIII-54 г.
Форм. бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 3,125 (условных 4,28).
Уч.-изд. л. 4,28. Тираж 10 000 экз. Ш-02441.
«Искусство», Москва, Цветной бульвар, 25.
Изд. № 12052. Заказ. тип. № 616.

*

Экспериментальная тип. ВНИИППиТ.
Москва, Б. Комсомольский, 9.

Цена 1 р. 75 к.

1 р. 75 к.